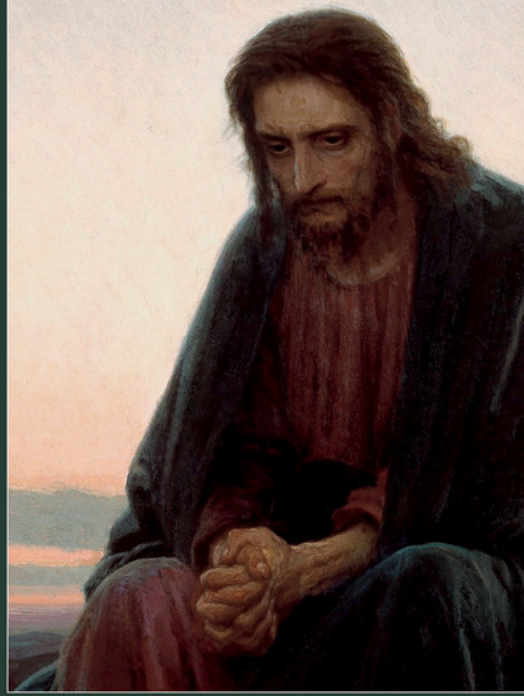
Humanitas

Георгий Чистяков

Над строками Нового Завета



Георгий Петрович Чистяков

Над строками Нового Завета

Серия «Humanitas»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12156911
Над строками Нового Завета/ Чистяков Г.П.: Центр гуманитарных инициатив; Москва-Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-98712-531-1

Аннотация

Настоящее издание открывает серию трудов священника Георгия Чистякова (1953–2007), историка, богослова, общественного деятеля; оно включает в себя книгу «Над строками Нового завета», а также две работы, посвященные литургической поэзии: «Тебе поем» и «Средневековые латинские гимны». Издание адресовано историкам-профессионалам, а также всем интересующимся историей культуры.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

От составителя 4
Над строками Нового Завета 8
- От автора 8
- Четыре Евангелия 11
- Родословная Спасителя 36
- Искушения Иисуса Христа 76
- Начало проповеди 96
- Нагорная проповедь 105

Конец ознакомительного фрагмента. 154

Георгий Чистяков
Над строками Нового Завета

От составителя

Книга, которую вы держите в руках, открывает серию сборников трудов священника Георгия Чистякова, историка, филолога и общественного деятеля.

В первый том этой серии вошли лекции по Новому Завету, в 1996 году опубликованные в журнале «Истина и жизнь» и изданные отдельной книгой в 2002 году, а также две ранние работы, посвященные литургической поэзии, – «Тебе поем» (опубликована в 1992 году, в 2001 году вышла под названием «Господу помолимся») и «Средневековые латинские гимны» (публикуется впервые).

Георгий Чистяков (1953–2007) родился в Москве в профессорской семье. Его отец – Петр Георгиевич Чистяков – был военным инженером, полковником, заведующим кафедрой высшей математики Военно-воздушной инженерной академии им. Н. Е. Жуковского, мать – Ольга Николаевна Чистякова (урожд. Ворогушина) – ботаником, доцентом кафедры высших растений Биологического факультета

МГУ. Однако любовь к филологии он унаследовал не от них, а от своей бабушки – Варвары Виссарионовны Ворогушиной (урожд. Ламзиной), закончившей Историко-филологический факультет Московских высших женских курсов.

В 1975 году Г. П. Чистяков закончил кафедру истории древнего мира Исторического факультета МГУ, на год раньше женился. В 1984 году защитил диссертацию «Павсаний как исторический источник», полный текст которой войдет в том его научных трудов.

В разное время Георгий Петрович читал курсы по истории культуры в МГУ, в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ), в Московском физико-техническом институте (МФТИ), проводил занятия латынью и греческим в Институте иностранных языков (совр. МГЛУ).

В юности Георгий Чистяков – во многом благодаря бабушке – пережил религиозное обращение, что повлияло и на его увлечение церковной историей, и на последующий выбор своего – священнического – пути. С 1992 года он проповедовал в церкви свв. Космы и Дамиана в Шубине, еще будучи мирянином, в декабре 1992 года был рукоположен в диаконы, в ноябре 1993 года – в священники Русской православной церкви. С 1994 года, не прекращая своего служения в Космодемьянской церкви, Георгий Петрович стал настоятелем Покровского храма при Республиканской детской клинической больнице, а также одним из попечителей фонда помощи детям с онкологическими заболеваниями.

С 1994 до 2000 года Георгий Чистяков был редактором газеты «Русская мысль». Большая часть опубликованных за это время эссе и статей вошла в третий том настоящего издания.

Параллельно с работой в светских вузах и пасторской практикой Г. П. Чистяков читал ряд курсов по Новому Завету в конфессиональных учебных заведениях – в Православном университете Иоанна Богослова, в Общедоступном православном университете, основанном прот. Александром Менем, в Институте философии, теологии и истории св. Фомы. Эти лекции составили основу двух книг – «Над строками Нового Завета» (1999), «Свет во тьме светит. Размышления о Евангелии от Иоанна» (2001). Лекции, прочитанные в Московской консерватории, опубликованы во втором томе настоящего издания.

Самой первой была написана и опубликована книга Георгия Чистякова «“Тебе поем”… Молитвенная поэзия» (1992), посвященная византийской гимнографии. Научная ценность ее бесспорна. И если сам Георгий Петрович не раз говорил, что в области Нового Завета не открыл ничего нового, то в области античной и византийской поэзии он считал себя настоящим специалистом.

Поэзия занимала в жизни священника Георгия Чистякова особое место. Но издание его поэтических текстов – дело будущего.

Петр Георгиевич Чистяков, историк-архивист, кандидат

исторических наук, доцент Учебно-научного центра изучения религий Российского государственного гуманитарного университета

Москва, июнь 2015 года

Над строками Нового Завета

От автора

Книга эта родилась много лет тому назад – как цикл размышлений вслух над строками Нового Завета. Теперь уже невозможно установить, кто первый (вероятно, кто-то из сотрудников журнала «Истина и Жизнь») придумал этот заголовок – именно «над строками», а не «над страницами» Нового Завета. Название оказалось идеальным, потому что именно отдельным строчкам Писания и размышлениям над ними были посвящены те встречи, на которые мы собирались по вечерам в московском храме свв. Космы и Дамиана, стараясь вместе вслушаться в то, что говорит нам в Евангелии Христос.

Конечно же, как ученый, как филолог и богослов, к каждой беседе я готовился, читая специальную литературу, обращаясь к серьезным научным комментариям и самым разным, порой неожиданным трудам. Но затем начиналась беседа – и строилась она вопреки всем канонам университетской лекции. Задача заключалась не в том, чтобы прочитать популярный курс по экзегетике, пусть даже основанный на современных исследованиях и включающий в себя последние открытия ученых библеистов. Нет, она состояла в ином:

в том, чтобы вместе научиться вслушиваться в каждое слово Евангелия, научиться видеть за каждым словом мир, внутри которого проповедует Иисус, и воспринять каждую строчку Писания как призыв, который Он к нам обращает.

Устные беседы, превращенные в очерки, с 1996 года печатались в журнале «Истина и Жизнь», а затем были еще раз переработаны и дополнены – для отдельного издания. В этой книге очень много элементов науки, но к науке она не имеет никакого отношения. Книга посвящена тому, что в Средние века по- латыни называли *lectio divina,* или духовным чтением Писания. Она есть попытка научиться читать Евангелие так, чтобы из чтения рождалась наша личная молитва, а из молитвы вырастало устойчивое желание ответить в нашей реальной жизни на тот призыв, с которым к нам обращается Иисус. Наверное, больше никаких задач ни мои слушатели, ни я, ни мои друзья, которые затем героически помогали мне превратить эти беседы и очерки в книгу, не ставили и не ставят. Нам хотелось помочь читателю научиться, открывая Евангелие с любого места, сразу включаться, входить в число тех учеников, которые слушают Учителя с горящими глазами, слушают не для того, чтобы просто запомнить всё, что Он говорит, но чтобы ответить на те слова, с которыми Он к ним – а следовательно, и к нам – обращается.

Отправляя готовую книгу в типографию, я не могу не сказать особенные слова благодарности Марине Сергеевне Фёдоровой, которой первой пришла в голову мысль превратить

тексты лекций в записанные очерки. Благодарю и всех тех, кто по вечерам собирался в Космодемьянском храме, чтобы принять участие в наших беседах. Эта книга никогда бы не родилась, если бы не слушатели. Они вынуждали меня готовиться к каждой лекции, понимая ее не просто как время, за какое требуется рассказать о той или иной главе Нового Завета, но как встречу с Христом, Который проповедует среди нас, и проповедь Которого иногда нуждается в том, чтобы та или иная фраза в ней была выделена, а то или другое выражение – разъяснено и растолковано.

Четыре Евангелия

У каждого, кто открывает Новый Завет, возникает вопрос: почему Евангелий четыре? Почему одна и та же история изложена в Священном Писании четыре раза? Евангелие от Иоанна, правда, несколько отличается от трех предыдущих. А вот первые три Евангелия во многом повторяют друг друга почти дословно – это сразу видно, если написать текст тремя столбцами. Но вот именно – *почти* дословно, всегда с какими-то отличиями в деталях.

Почему так?

С древнейших времен многократно делались попытки свести четыре или хотя бы три Евангелия в одно целое, в единое повествование. Первую такую попытку осуществил еще на заре христианства Татиан. Татиановское Евангелие, соединившее четыре рассказа в одном, использовалось, но не вошло в практику Церкви. Последнюю же подобную попытку сделал киевский священник Леонид Лутковский. Он соединил Евангелия от Матфея, Марка и Луки в одно, а к ним приложил Евангелие от Иоанна как отличающееся. Работа его была опубликована «Литературной газетой», но не пришлась по вкусу читателям. Во второй раз ее никто издавать не стал. По той, видимо, причине, что первые три евангелиста, не говоря уже об Иоанне, очень не похожи друг на друга.

Евангелие от Марка по времени написания – первое. Оно довольно краткое по сравнению с остальными. В Евангелии от Марка Иисус меньше говорит, чем в повествованиях Матфея, Луки или Иоанна. Есть такой способ печатания Нового Завета, когда слова Христа, говоря по-латыни, *ipsissima verba,* выделяются красным цветом. Так вот, красного текста в Евангелии от Марка значительно меньше, чем в трех других. Зато внимание читателя постоянно фиксируется на том, что делает Иисус. Чудеса здесь описаны подробнее, чем у Матфея, который рассказывает о них конспективно, кратко.

Хотя русское «от Марка», «от Матфея» указывает на то, что данное Евангелие от начала до конца написано тем или иным евангелистом, традиция утверждает, что Евангелие от Марка было написано для проповеди среди римлян на основе проповеди апостола Петра в Риме. Марк повторил в своей проповеди то, о чем говорил Петр, а затем ученики Марка составили Евангелие *ano, secundum,* «согласно Марку». Это значит не *by Marc,* а *according to Marc,* то есть «согласно проповеди». И по-французски, скажем, это не *par St. Marc,* а *selon St. Marc,* то есть «согласно проповеди Марка, согласно тому, что говорил некогда Марк».

Похоже, Евангелие от Марка действительно адресовано римлянам. Из римской литературы эпохи императора Августа, близкой по времени к евангельской, мы знаем, что римляне – это народ воинов и поэтов. Они эмоциональные, ре-

шительные, взрывные, они не любят рассуждать, они умеют воевать, страдать и воспринимают мир без полутонов. Они очень остро воспринимают то, что Гораций назвал *«color vitae»* – краски жизни. Римляне не любят отвлеченностей – это не греки, давшие миру замечательных историков и философов, это – предки современных итальянцев. Именно поэтому Евангелие от Марка наполнено яркими зрительными образами, которых нет ни у Матфея, ни у Луки, ни у Иоанна. И в этом ярком мире, где всё воспринималось в большей мере через зрение, краткое Евангелие от Марка с яркими описаниями чудес, где Иисус мало говорит, но много действует, – такое Евангелие действительно могло быть воспринято как свое…

Вот сцена, когда Спаситель усмиряет бурю на Галилейском море. Она описана во всех четырех Евангелиях, но только у Марка есть такая, например, деталь. У всех сказано, что во время бури Иисус спал. А Марк добавляет: «на корме на возглавии» – то есть дает нам чисто зрительный образ. И мы сразу представляем себе, как Он спал: «на корме на возглавии».

Другой пример. К Иисусу прибегает богатый юноша, чтобы спросить: «Учитель благий! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» В ответ Иисус говорит ему: «Знаешь заповеди…» У Марка есть деталь: «подбежал… пал пред Ним на колени и спросил». Это движение юноши, который падает на колени, сохранило только Евангелие от Марка.

Иисус говорит ученикам, что тот, кто хочет быть первым, должен стать последним; а кто не смирится, как дитя, не внидет в Царство Божие. Этот эпизод есть и у Матфея, и у Марка. У Матфея читаем: «Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них, и сказал…» А у Марка перед словом «сказал» вставлен причастный оборот: «обняв его». Это опять яркая зрительная деталь.

Слепой по имени Вартимей кричит: «Иисус, Сын Давидов! помилуй меня». Слепого зовут к Иисусу, и он подбегает, скинув плащ. Эту деталь, это движение – слепой скидывает плащ и остается в одном хитоне – сохранило только Евангелие от Марка.

Женщина с алавастром, маленьким сосудом с драгоценным благовонным миром, приходит, чтобы пролить это миро то ли на ноги, то ли на главу Иисуса. У Марка запечатлено еще одно характерное движение: разбив алавастр, женщина возлила миро. Она разбила сосуд, чтобы больше никто ничего не смог в него налить. И эта сцена есть тоже только в Евангелии от Марка.

Почти на каждой странице Евангелия от Марка можно найти такие детали, которые, не изменяя содержания в целом, даже не прибавляя к учению Иисуса никаких новых штрихов, дают нам возможность как бы увидеть происходившее, внося в рассказ зрительные, как правило, динамичные детали: сброшенный плащ, разбитый сосуд, упавший на колени юноша. Иногда, как, например, в описании входа Гос-

подня в Иерусалим, они просто конкретизируют повествование. Ученики идут к какому-то дому, чтобы отвязать осла. Марк уточняет, что осел был привязан у ворот снаружи, в переулке. Не внутри двора, не на улице, а именно снаружи и именно в переулке. Этих деталей ни в одном из других Евангелий нет.

Еще одна отличительная черта Евангелия от Марка – его язык. Он на редкость плох. В Деяниях святых апостолов Петр и Иоанн восклицают: «Мы не можем не говорить того, что видели и слышали» (4: 20). Примерно так мыслит и евангелист Марк, и эту фразу из Деяний можно было бы поставить эпиграфом к Евангелию от Марка. Писать ему очень трудно. Он никогда не был писателем и не будет им впредь. Он тот, кого евангелист Иоанн назовет потом словом «свидетель». Понимая, что рассказать об Иисусе необходимо, несмотря на то, что это ему очень трудно, он рассказывает. Он говорит на странном, временами смешном, временами почти непонятном греческом языке, использует какие-то неожиданные образы.

Например, в рассказе об умножении хлебов Иисус велит всем участникам этого чуда сесть рядами. «Как овощи на грядке», – замечает Марк. Авторы Синодального перевода даже не решились включить это образное сравнение в свой текст. Они просто написали: «рядами» (а греческий текст здесь воспроизводит структуру арамейского первоисточника, где это выражение повторено дважды – «грядками, гряд-

ками»). Верно это или нет, но мне здесь слышится голос апостола Петра, его катехитических бесед, которые легли в основу Евангелия от Марка. Это отголосок живой проповеди простого галилейского рыбака, в чьих устах такое выражение вполне уместно.

А вот другой образ. Евангелист рассказывает о Преображении Господнем. Это какой-то совершенно мистический текст: Иисус стоит на горе, вдруг Его одежды начинают сиять, как свет или как снег, сияющим становится и Его лицо. «Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить». Здесь снова сравнение, взятое из обыденной жизни, и снова слышен отголосок Петровой проповеди. Евангелист не говорит, что одежды Христа стали «ослепительно белыми», или, например, «фантастически белыми», или «белыми, как снега Гималаев», и т. п. Он вспоминает о белильщике и о его труде, берет конкретный образ. В этом примере, предельно простом, как бы фокусируется всё своеобразие Евангелия от Марка. В этом Евангелии много динамики. Любимые слова Марка – «тут же», «сразу же». Здесь всё происходит очень быстро.

Евангелие от Марка, повторю, было, по-видимому, написано первым из четырех.

Вторым появилось *Евангелие от Матфея.* Оно в полтора раза больше по объему, чем Евангелие от Марка, но при

этом события из жизни Иисуса и чудеса изложены здесь значительно короче. Иногда говорят: если Евангелие от Марка написано для римлян и лучше других отвечает миссионерским задачам, то Евангелие от Матфея создавалось для иудеев и для учителей веры. Оно написано языком, который можно назвать церковным. Здесь много слов и выражений, взятых из Ветхого Завета, не говоря уже о многочисленных цитатах. Есть такие издания Евангелия, где текст набирается обычным шрифтом, а цитаты из Ветхого Завета – курсивом. Курсива больше всего именно в Евангелии от Матфея. Говоря, например, о Рождестве Христовом, евангелист приводит цитату из пророка Исайи: «Се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог». А рассказывая об избиении младенцев, цитирует пророка Иеремию: «Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет» и т. д.

Но даже если и нет цитат, язык Евангелия от Матфея несколько стилизован под язык Ветхого Завета. Это священный, связанный с богослужением язык, и тексты, написанные на нем, читают нараспев. В этом проявляется иудейская природа Евангелия от Матфея. Иисус здесь говорит много, текст Матфея буквально наполнен Его словами. Евангелист укоренен в культуре Ветхого Завета, и Иисус явлен здесь прежде всего как Учитель, как в Талмуде – раввины. (Хотя среди бесчисленных раввинов Талмуда почти нет чудотворцев, людей, на жизнь, чистоту и святость которых обраща-

лось бы внимание читателя; раввины – не святые, а просто учителя.) В Евангелии от Матфея Иисус во многом выступает именно как раввин. Не случайно Нагорная проповедь начинается с того, что Он поднялся на возвышение и сел. Это как бы начало «лекции»: Иисус поднимается на гору как на кафедру. А выражение «отверз уста» употребляется в греческом языке, чтобы подготовить читателя к тому, что сейчас он узнает что-то очень важное. Сказать, например, «отверз уста и попросил дать ему есть или пить» – нельзя.

Дальше у Матфея говорится: ἐδίδασκεν («учил») – употреблен имперфект, то есть прошедшее незаконченное. В русском языке нет принципиальной разницы между имперфектом и аористом, мы говорим: «Я читал эту книгу», имея в виду, что когда-то прочитали ее. В греческом же, как и во французском языке, имперфектом обозначаются только те действия, которые имели место несколько раз, неоднократно или постоянно. Имперфект здесь употреблен, чтобы подчеркнуть, что Христос учил многократно, что перед нами не «стенограмма» одной проповеди, а как бы сведенный воедино целый ряд не раз повторенных проповедей, их «сумма», учебник христианства.

Учение Спасителя вынесено в самое начало Евангелия, чтобы именно с этого начинали чтение. Потом евангелист только упоминает: «Он учил их…», а чему учил, об этом не сказано ни слова, потому что суть учения уже изложена в пятой, шестой и седьмой главах. Далее просто идет рассказ о

проповеди и чудесах Иисуса, причем о проповеди говорится весьма подробно, а о чудесах – всегда кратко. Словом, это совсем не похоже на Евангелие от Марка.

Текст Иисусовых проповедей в Евангелии от Матфея требует чтения чрезвычайно глубокого. Здесь нужно вдумываться буквально в каждую фразу. Приведу пример. «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». Жаждать правды – значит «хотеть справедливости». Здесь употреблено греческое слово δικαιοσύνη, что значит «справедливость». Давайте так и скажем: «Блаженны алчущие и жаждущие справедливости, ибо они насытятся». Глаголы «алкать» и «жаждать» в греческом языке, как и в русском, требуют родительного падежа, который имеет партитивный характер. Это так же, как по-французски, например, *du thé* или *du pain.* Если я скажу не *du thé,* а *le thé,* это значит, что я хочу весь чай, какой есть на белом свете. А *du thé* – хочу стакан чая. «Я хочу хлеба» – опять-таки, если мы не употребим этот партитив с *du,* то получится, что я хочу весь хлеб (*le pain),* который сегодня продается в Москве.

Так вот, в греческом варианте Евангелия вместо ожидаемого родительного падежа употреблен винительный: «Блаженны алчущие и жаждущие правду». Не «правды», а «правду». Когда читаешь Евангелие по-гречески, это сразу производит огромное впечатление. Здесь имеется в виду не какая-то конкретная справедливость в отношении кого-то или чего-то, а вся справедливость, какая ни есть на белом свете.

Тот факт, что слово «правда» стоит не в родительном, а в винительном падеже, сразу бросается в глаза: эта форма делает фразу, с одной стороны, несколько корявой, а с другой – удивительно емкой и яркой.

Таких мест у Матфея очень много, и когда, повторю, читаешь его Евангелие по-гречески, они сразу обращают на себя внимание. Однако перевести такие места трудно, их надо оговаривать в примечаниях, что, как правило, и делается в изданиях Священного Писания почти на всех языках.

Евангелие от Луки выделяется тем, что написано хорошим языком – в отличие от просто плохого языка Евангелия от Марка и несколько странного, распевного, то ли церковного, то ли синагогального языка Евангелия от Матфея. Евангелие от Луки – это хорошая греческая литература I века. Об этом писал еще Эдвард Майер, знаменитый немецкий историк начала XX века. Это Евангелие «для интеллигенции», для тех, кто понимает, что такое хорошая литература.

Евангелист Лука – грек родом из Антиохии, которая была одним из крупнейших интеллектуальных и культурных центров древнего Востока. Он получил разностороннее образование, был врачом. Откуда это известно? Вспомним притчу, в которой говорится, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому войти в Царство Небесное. Евангелисты Матфей и Марк употребляют здесь слово ραφίς – это обычная швейная игла, которой пользуются женщины.

А в Евангелии от Луки использовано слово βελόνη – игла хирурга. Это слово из *Corpus Hippocraticum* – свода сочинений древнегреческого врача Гиппократа, то есть чисто медицинское словечко. Еще одно подтверждение – сцена исцеления бесноватого отрока. Матфей рассказывает о болезни этого мальчика без особых подробностей: он беснуется, бросается то в огонь, то в воду, т. е. выглядит попросту умалишенным. В передаче Марка всё гораздо конкретнее, по его описанию можно поставить точный диагноз: это эпилепсия (одержимый «духом немым» повергается на землю, испускает пену, скрежещет зубами и цепенеет). Лука же описывает болезнь совсем иначе. Его не ужасает отталкивающая картина эпилептического припадка, поскольку ему, врачу, наверняка приходилось оказывать помощь таким больным; внимание Луки сосредоточено на страдании больного отрока, который перед приступом вскрикивает, а когда припадок «насилу отступает», бывает совершенно измученным. Это именно то отношение к человеческому страданию, без которого профессия врача невозможна.

Кроме того, Лука – историк, он читал Фукидида и других греческих авторов. Помимо Евангелия его перу принадлежит историческое сочинение – Деяния святых апостолов. Авторство Луки подтверждается сравнительным анализом словаря и стиля этих двух новозаветных текстов. Деяния – блистательное литературное произведение, представляющее собой сравнительное жизнеописание апостолов Петра и Пав-

ла. В том же ключе выдержаны сравнительные жизнеописания Плутарха, которые написаны значительно позже Деяний, хотя Плутарх и считается, по недоразумению, первым мастером этого жанра. Лука, по его словам, стремится к ακρίβεια – это слово, которое почти невозможно перевести на русский язык, означает правдивое, точное, последовательное изложение фактов. Как историк, Лука придает огромное значение хронологии, как бы вписывая евангельские события в мировую историю, и даже родословие Христа ведет не от Авраама, как Матфей, а от Адама. Неудивительно поэтому, что Евангелие от Луки вызывает огромный интерес и с точки зрения глубоко продуманной композиции, и с точки зрения содержания. Сопоставим его с двумя уже рассмотренными Евангелиями.

Евангелие от Марка носит миссионерский характер и может быть блестяще использовано для миссионерских целей. И статистика подтверждает, что это действительно Евангелие для миссионеров. Есть Международный летний лингвистический институт *(Summer Institute of Linguistics,* сокращенно *SIL)* со штаб-квартирой в Лондоне, который занимается переводом Священного Писания на языки малочисленных народов. В его картотеке первое место по числу переводов из всех библейских текстов занимает именно Евангелие от Марка. Оно переведено на самые экзотические языки. Любой миссионер, работающий с людьми, еще не просвещенными светом евангельской истины, скажет, что чте-

ние Нового Завета надо начинать с Евангелия от Марка.

Замечательное свидетельство этого можно найти в воспоминаниях митрополита Антония Сурожского. Он рассказывает, как когда-то, когда ему было лет четырнадцать, в школу, где он учился, пришел отец Сергий Булгаков. Замечательный пастырь и мыслитель говорил о Христе, но большого интереса эта беседа у будущего митрополита не вызвала – скорее, даже наоборот. Однако чем-то отец Сергий Булгаков всё-таки его расшевелил. Придя домой, мальчик попросил у матери Новый Завет и, взглянув на оглавление, понял, что самое короткое там – Евангелие от Марка. Чтобы не терять времени (в четырнадцать лет люди очень заняты!), он решил прочитать это, самое короткое. «И вот тут-то я попался, – говорит митрополит, – потому что оно было написано для таких же маленьких римских дикарей, каким был тогда я».

Если же мы начнем с Евангелия от Матфея, то, возможно, нас оттолкнет длинная родословная таблица, занимающая всю первую страницу. Начав с Евангелия от Луки, мы столкнемся с предысторией рождества Христова, которая, может быть, покажется нам слишком трудной. А начнем с Евангелия от Марка – возможно, дочитаем до конца.

Евангелие от Матфея, повторю еще раз, можно сравнить с книгой для учителя, предназначенной для изучения основ веры. Урок Закона Божия легче всего вести именно по этому Евангелию.

А Евангелие от Луки? Прежде всего, здесь есть довольно

много такого, что отсутствует у других евангелистов: притчи о блудном сыне, о мытаре и фарисее, о добром самарянине. Притчу о блудном сыне Амвросий Медиоланский в IV веке назвал *Evangelium Evangeliorum* – «Евангелие Евангелий», или «сердцевина Евангелия». В этой притче говорится о безграничности милосердия Божия, о том, как Бог ждет покаяния от каждого грешника, от самого страшного грешника, от всякого, кто ушел от Бога.

Притча о мытаре и фарисее – о благочестии внешнем (фарисея) и внутреннем (мытаря). Она учит молиться, как молился мытарь: «Боже! будь милостив ко мне, грешнику!»

Притча о добром самарянине содержит ответ на вопрос, кто твой ближний. Она учит, что христианство заключается не в исповедании, а в действии. Священник и левит, которые прошли мимо лежащего, хоть и были людьми благочестивыми и добропорядочными, не помогли несчастному. Не злодеи, не равнодушные к страданиям ближнего, они не подошли к страдальцу только потому, что боялись оскверниться, прикоснувшись к мертвому телу. После этого в течение долгого времени они не могли бы совершать богослужения в храме. Иными словами, они прошли мимо из осторожности, заботясь о ритуальной чистоте. А самарянин, без сомнения, презираемый слушателями Иисуса человек, – то ли иудей, то ли еретик, то ли вообще безбожник, к тому же купец, имеющий дело с деньгами и, вероятно, не всегда честный, – оказался милосердным к несчастному. Речь о том, что есть чи-

стота ритуальная, а есть – внутренняя.

Притчи эти ставят очень важные вопросы, причем такие, которые можно отнести к пастырскому богословию. О грешнике. Что ему делать? Как жить? Что нужно предложить грешнику? Об этом – в притче о блудном сыне. Как вообще жить человеку в этом мире? Какими должны быть его взаимоотношения с Богом, с людьми, с ритуалом и т. д.? Ответы – в притче о добром самарянине. Что такое благочестие? Это тема притчи о мытаре и фарисее…

Евангелие от Луки от начала до конца сосредоточено на проблеме греха и кающегося грешника, и грех понимается здесь как болезнь, а не как преступление или проступок. Христианин должен лечиться от этой болезни. А священник должен помогать ему в этом. Значит, Евангелие от Луки подходит для священника, который готовит проповедь и спрашивает себя: «В чем смысл моего служения?» Оно имеет особый «пастырский» оттенок.

Марк очень порывист и активен. Не случайно ключевое слово у него, как я уже говорил, εὐθύς – «тут же», «тотчас». В рассказе о взятии Иисуса под стражу у Марка есть одна деталь, отсутствующая в других Евангелиях. Как схватили Иисуса, видел один юноша, который почему-то был завернут в покрывало. Его тоже схватили, но он вырвался из рук солдат и убежал от них голым. Средневековый читатель увидел в этом юноше самого евангелиста, оказавшегося свидетелем последней ночи перед Голгофой. Но независимо от того, на-

рисовал ли здесь автор самого себя или нет, можно сказать одно: в этом весь Марк. Порыв, быстрота, неожиданная смена кадров.

Неспешный Матфей с его медитативно-заторможенным повествованием. Типично греческий историк Лука, чем-то похожий на Плутарха. Порывистый и безграмотный Марк. У авторов трех Евангелий очень непохожие характеры, разный уровень образованности, разный язык, разный темперамент и, наконец, разные потенциальные адресаты или читатели.

В *Евангелии от Иоанна* нам открывается еще один мир. Оно всё, от начала до конца, молитвенно. Иоанн – для того, кто молится, он учит молитве. Это четвертое Евангелие написано языком, который не назовешь ни стихами, ни прозой. Всё оно построено на повторах, на ключевых словах, переходящих из стиха в стих и превращающих текст в нечто, и на стихи не похожее, но еще меньше напоминающее прозу. Казалось бы, язык этого Евангелия крайне беден: словарь Иоанна – 1000 слов, тогда как у Луки – более 2000, приблизительно 1700 слов у Матфея, 1350 – у Марка. Можно ли в тексте такого объема, как Евангелие от Иоанна, выразить что-то значительное, используя всего тысячу слов?! Но у евангелиста, вопреки всему, получается. И это поистине чудо.

У Иоанна очень много ночных сцен, таких как беседа Иисуса с Никодимом в третьей главе или последняя бесе-

да с учениками, начинающаяся словами: «Ныне прославился Сын Человеческий…» (этот текст читается в храме перед Пасхой, первым из «двенадцати Евангелий»). Иисус беседует с учениками почти в полной темноте, как это изображено на замечательной картине Н. Н. Ге «Тайная Вечеря». Явление Воскресшего ученикам, его диалоги – сначала с Фомой, потом с Петром – тоже происходят в темноте. Евангелие от Иоанна можно сравнить с большой, вытянутой в длину картиной, висящей в темном зале. Проходя со свечой мимо нее, мы выхватываем из темноты то один, то другой, то третий фрагмент, но увидеть ее целиком не можем.

Автор четвертого Евангелия не писатель. Иногда говорят, что оно написано каким-то особым поэтическим языком. Это не так. Богословские глубины достигаются здесь не благодаря языку, а вопреки ему. Вот Платон, например, тот в своих «Диалогах», действительно, во многом языковыми средствами достигает глубин мысли; греческий язык великого Платона великолепен. Глубинная же суть Иоаннова Евангелия выражена отнюдь не благодаря странному языку галилейского рыбака. Здесь какие-то иные, поистине мистические средства.

Первые три Евангелия наполнены диалогами Иисуса с довольно большим числом людей, Он всегда в окружении толпы. В Евангелии от Иоанна наоборот – все разговоры Иисус ведет в основном наедине с собеседником. В первой главе Он говорит с Нафанаилом, в третьей – с Никодимом, в чет-

вертой – с самарянкой, в пятой – с расслабленным, в девятой – со слепорожденным, дальше – прощальная беседа с учениками, потом, в конце Евангелия – с Фомой и затем – с Петром. Всё это – как бы беседы вполголоса. Так мы иногда, приглушив голос, беседуем ночью, когда дети уже спят. Тем же простейшим языком откровенной беседы один на один и написано Евангелие от Иоанна – Евангелие встречи. Когда Иисус встречается с Нафанаилом, мы даже не знаем, о чем они говорят, мы только становимся свидетелями их встречи, и незаметно для нас происходит и наша встреча со Христом, наш молитвенный диалог с Ним.

Климент Александрийский, христианский писатель, живший на рубеже II и III веков, назвал Иоанново благовествование πνευματικόν εύαγγέλιον – духовное Евангелие, мистичность и возвышенность которого достигаются не благодаря, а вопреки языку. И если у синоптиков портрет Иисуса дан снаружи, то евангелист Иоанн дает его изнутри, из глубин духа. Если выписать формулы, какими Иоанн называет Христа – Сын Единородный, Агнец Божий, Хлеб жизни, Спаситель мира, Пастырь добрый и т. д., – составится своего рода акафист Христу. Таким образом, Евангелие от Иоанна – это Евангелие личной встречи с Иисусом и Евангелие для молитвы.

Странное дело. Когда читаешь книгу Платона о Сократе, а потом книгу Ксенофонта о нем же, создается впечатление,

что они пишут как бы о разных людях. Сократ Ксенофонта очень не похож на Сократа Платона.

Евангелисты, как я уже говорил, очень не похожи друг на друга – ни по образованности, ни по типу мышления, ни по темпераменту, ни по задачам, которые они перед собой ставили. *Но Иисус четырех евангелистов – это один Иисус*. В разных, порой почти взаимоисключающих друг друга текстах вырисовывается один Человек. Это делает Иисуса не героем Евангелия, а действительно живым Человеком, Который выходит за рамки книги и реально оказывается среди нас. Каждое из Евангелий рисует Его портрет. Но Иисус в четырех Евангелиях – это уже значительно больше, чем портрет, даже больше, чем голограмма. Это – чудо.

В одном тексте, оказывается, невозможно вместить то, что вмещено в четырех, хотя почти всё здесь как бы повторяется. Вот почему Евангелий четыре. Одни и те же фразы повторяются, но в одном Евангелии какое-то слово выпадает, в другом – появляется. В результате создается эффект объемности. Из книги, которую можно раскрыть и читать, Евангелие превращается в настоящее здание, куда можно войти, чтобы жить внутри него в течение всей оставшейся жизни. В своей «Исповеди» блаженный Августин говорит, что Евангелие напоминает ему здание с низким входом. В него трудно войти. Но чем дальше идешь, тем выше и выше становятся своды этого здания, чтобы наконец где-то в небесах исчезнуть. Августин очень хорошо выразил именно объемность Еванге-

лия, этот эффект, когда читатель как бы входит в книгу, оказывается внутри. Можно использовать и сравнение со статуей, которую невозможно сфотографировать с одной стороны так, чтобы у зрителя сложилось о ней полное представление. Для этого ее надо снять с нескольких точек.

Но не только поэтому Евангелий четыре. При всех различиях их главная задача одна – возвестить Благую Весть, сообщить, что Христос воскрес. Всё остальное как бы прилагается к этому.

Кроме Четвероевангелия, как известно, есть еще разные *апокрифические (не признанные Церковью священными) евангелия* – от Фомы, от Никодима, от Петра, от Марии и др. В последние годы вышло несколько книг на эту тему.

Закономерно возникает вопрос: почему одни Евангелия Церковь признала каноническими, а другие попали в число отвергнутых, или апокрифических? При этом в апокрифических евангелиях есть отдельные факты, которые невозможно не принять. Но в целом каждое из этих евангелий изображает своего Иисуса, не похожего на Иисуса из других апокрифов и на Того, с Которым мы встречаемся в Евангелиях, вошедших в Священное Писание. Вот первый признак неканоничности этих книг.

Второй признак заключается в том, что каждое из апокрифических евангелий написано с целью обосновать тот или иной тезис. С этой точки зрения апокрифы можно раз-

бить на три группы. Первая – это иудео-христианские евангелия, призванные обосновать тезис, к которому много позже, в XX веке, вернется Мао Цзэдун: бедность – это хорошо. В этих евангелиях показано, что все богатые плохие, а бедные – хорошие. Конечно, мы знаем – Спаситель прямо говорит об этом, – что богатому трудно войти в Царство Небесное. Трудно, но возможно. Да, бедному проще, но при этом осуждения богатства нигде в Евангелиях нет. Апостол Павел осуждает не богатство, а сребролюбие. Христос нас предупреждает, что богатством распоряжаться трудно и поэтому проще человеку, когда у него ничего нет. Вместе с тем, призывая нас помогать, давать тем, кто в чем-то нуждается, Спаситель как бы говорит: чтобы давать, надо иметь что давать. Взаимоотношения христианина с богатством, таким образом, совсем не так просты, как иногда хотелось бы псевдохристианским социалистам. Хорошо какому-нибудь перуанскому священнику, исповедующему богословие освобождения, рассуждать о том, как замечательно быть бедным, зная, что братья из Франции, Италии или США непременно помогут его приходу… Также и мы: говорим о том, как прекрасно ничего не иметь, и поджидаем через два дня грузовик с гуманитарной помощью из Германии. Это безнравственно. И такому отношению к жизни Христос нас нигде в Новом Завете не учит. А вот в апокрифических евангелиях первой группы Христос говорит именно о том, что хорошо быть бедным. Эта основная их идея имеет чисто социальную окраску.

Вторая группа – евангелия гностические. В евангелии от Фомы, например, речь идет о том, что человек спасается не верой, а погружением в знание о Боге. Не надо пытаться спасать другого, не надо протягивать ему руку помощи. Главное – погрузиться в знание о Боге. Вот основной тезис гностических евангелий, свитки с текстами которых вскоре после Второй мировой войны были найдены в Египте, в селении Наг-Хаммади и затем многократно публиковались в Европе. У нас, в русском переводе, они увидели свет благодаря трудам М. К. Трофимовой. Эти тексты сразу привлекли внимание европейской интеллигенции, потому что в них говорится как раз о том, что приятно сегодняшнему интеллигенту, – об особом знании. Христос в них призывает не верить, не жить в Нем, во Христе, и ради тех, кто нас окружает, а погрузиться в какое-то тайное знание. Такое видение христианства сразу примирило с ним очень многих, но с Христом такое «христианство» ничего общего не имеет.

Третья группа неканонических евангелий – более позднего происхождения. Эти тексты написаны по-латыни, и их задача – показать, что евреи плохие, а римляне хорошие. Это евреи распяли Христа, а римляне вообще-то были против. А римским солдатам Христос вообще сразу понравился… Эти тексты были созданы в условиях, когда христианство уже начало становиться государственной религией Римской империи. И целью их создателей было примирить империю и христианство, показав, во-первых, что Христос ничего плохо-

го по отношению к ней не замышлял, ни с кем из представителей власти не ссорился, а наоборот, как-то очень хорошо вписывался в общую картину империи, а во-вторых, что римляне ни в чем перед Ним не виноваты.

Когда читаешь тексты любой из этих трех групп, всегда видишь, какую цель преследовали авторы, что они хотят доказать. Их главный герой – это всегда тезис, идея или комплекс идей, а не живой Христос, в то время как в центре любого из четырех канонических Евангелий – Сам живой Иисус, а не Его учение.

Никто никогда не прятал апокрифические евангелия от читателей. Их легко купить в книжном магазине и сейчас, но чтение их обычно мало что дает человеку, более того, вызывает разочарование. Многие, например, думают, что в евангелии от Фомы можно обнаружить какие-то скрытые и потому самые ценные проповеди Христовы, которые священнослужители утаивают от народа. А прочитав его, всегда испытывают разочарование.

Позволю себе несколько замечаний теоретического характера. Читая иудео-христианские евангелия, сразу видишь, что они обращены к бедным людям Ближнего Востока рубежа I–II веков и призывают их к каким-то социальным действиям. Латинские евангелия, и это тоже сразу заметно, адресованы римлянам, которых пытаются убедить, что христианство не направлено против Рима. Понятно, что тексты гностических евангелий обращены к разочаровавшимся интел-

лигентам, которые жаждут не спасения, а тайного знания. А Евангелия от Марка, Матфея, Луки и Иоанна обращены к каждому из нас. Всё равно – к интеллигенту или не очень образованному человеку, к русскому или греку, к римлянину или китайцу, человеку с Востока или с Юга.

Есть в современном богословии замечательное слово, к сожалению, непереводимое на русский язык, по-английски и по- французски – *message.* Это не просто «послание». *Message* – это сообщение, которое мы получаем по факсу во много раз быстрее, чем по телеграфу. Отправленная по факсу записка через несколько секунд будет получена на другом конце земного шара. Вот что такое *message.* Евангельский текст – это именно *message,* который получает каждый из нас. Это текст, «сегодня и сейчас» адресованный конкретному человеку. Адресованность евангельского текста – одна из главных его черт.

Вторая, не менее важная деталь, о которой нужно помнить, читая библейский текст: понять *message* можно, только зная библейскую археологию, вникнув в детали, в каждое слово, осмыслив, что конкретное слово значит и что за ним стоит. Вот почему чрезвычайно важно знать реальную обстановку, в которой проповедовал Иисус, литературу, которая об этом рассказывает.

Наконец, третья, не менее важная деталь. Ни одна из евангельских фраз не может жить самостоятельной жизнью. Каждая отдельно взятая евангельская фраза – это часть едино-

го Слова Божия. Мы говорим о Священном Писании, о всей Библии, что это Слово Божие. Интересно, что присущего каноническим Евангелиям внутреннего единства в апокрифических текстах нет. Евангелие от Фомы начинается словами: «Вот слова, которые сказал Иисус». Между тем, любое каноническое Евангелие – это Слово, точнее даже – часть Слова. По этой причине опасно вырывать евангельские фразы из контекста всей Библии, воспринимая их как самостоятельные тексты и как афоризмы, что, к сожалению, делают довольно часто. Л. Н. Толстой, взяв фразу «не противься злому», построил на ней целую теорию. Однако, если мы прочитаем эту фразу из Нагорной проповеди на фоне остального Писания, окажется, что, уча нас не отвечать злом на зло, не противиться злу злом, Христос вовсе не безразличен ко злу и нас призывает не быть безразличными. Наоборот, устами апостола Он зовет нас побеждать зло, но только добром!

Нельзя, как это делали раньше протестантские экзегеты, брать одну фразу из Писания и строить на ней целую теорию, ибо всякая библейская фраза значима только в контексте всего Писания.

Родословная Спасителя

Открывая Евангелие от Матфея, в первой его главе, на первой же странице читатель обнаруживает довольно странный текст: родословную Спасителя, которая при ближайшем рассмотрении оказывается родословной Иосифа – обручника, т. е. жениха Марии Девы. Экзегеза былых времен выдвигала такое объяснение: это-де родословная Марии, но поскольку о женщинах в те времена, в той культуре не было принято говорить, родословная Марии представлена как родословная Иосифа. Объяснение это не выдерживает никакой критики: в нем нет и доли рационального. Тем более, что такая же родословная, как в Евангелии от Матфея, есть и в Евангелии от Луки, и обе представлены именно как родословные Иосифа.

Спрашивается: зачем дана эта родословная, из-за которой многие читатели Евангелия, начав с этого перечня, вообще откладывают Священное Писание, считая, что оно им не под силу?

В большинстве комментариев нет разумного ответа на этот вопрос. И тем не менее не случайно именно с этой родословной начинается Новый Завет.

В Синодальном переводе этот текст назван «Родословие», в переводе епископа Кассиана – «Книга о рождении», по-гречески это звучит как γένεσις. Один из возможных пе-

реводов слова γένεσις – «бытие», но европейская традиция оставляет его без перевода. Еврейская же традиция дает название по первому слову текста. Мы помним, что Библия начинается со слова בְּרֵאשִׁית (*берешúт*), т. е. «в начале»: «В начале сотворил Бог небо и землю». В Евангелиях тоже идет речь о начале. У Марка находим: «Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия»; в очень литературном Евангелии от Луки читаем: «Как уже многие *начали* составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами…» и т. д.; наконец, всем памятное в Евангелии от Иоанна: «В *начале* было Слово…» (курсив мой – *Г.Ч.*). Таким образом, в истоке как Ветхого Завета, так и евангельского повествования лежит мысль о начале. Только в первом случае это начало мира, а во втором – начало нового этапа человеческой истории, который открылся с приходом Спасителя в мир.

Если попытаться сравнить родословную Христа с тем, что мы знаем из Ветхого Завета о людях, в ней упоминаемых, то сразу всплывут весьма примечательные факты.

Первое имя, упомянутое Матфеем в его таблице, – Авраам. От Авраама до Давида – четырнадцать поколений. От Давида до вавилонского плена – тоже четырнадцать. От плена до Иисуса – еще четырнадцать поколений. Получается стройная схема: 14, 14 и 14. Но когда начинаешь сравнивать ее с Ветхим Заветом, оказывается, что четырнадцать поколений отделяют Давида от Авраама, но их совсем не четыр-

надцать от Давида до плена. В 8-м стихе Евангелия от Матфея говорится: «Иорам родил Озию». (здесь и далее цитаты приводятся по Синодальному изданию Библии – *Г.Ч.)* А из Второй книги Хроник (Вторая книга Паралипоменон, глава 21) ясно, что Иорам – совсем не отец, а прадед Озии. Сын Иорама – Охозия, сын Охозии – Иоас, сын Иоаса – Амасия, сыном Амасии и был Озия. Значит, здесь опущено три поколения.

Следующее место, вызывающее удивление, – это 11-й стих (в переводе под редакцией епископа Кассиана): «Иосия родил Иехонию». Но из той же Второй книги Хроник ясно, что Иехония не сын, а внук Иосии. Значит, здесь пропущено еще одно поколение.

От Давида до плена вроде бы действительно четырнадцать поколений. Но вот от плена до Иисуса… В 12-м стихе говорится: «Салафиил родил Зоровавеля», но Зоровавель не сын, а внук Салафиила, что известно из Первой книги Хроник. Значит, опущено еще одно поколение…

Таким образом, оказывается, что 14 – цифра в высшей степени условная. Если же мы сравним родословные таблицы из Евангелий от Матфея и от Луки, то окажется, что в последнем от Давида до плена уже не 14, а 21 поколение. Там другая схема: 21 (от Адама до Авраама), 14 (от Авраама до Давида), 21 (от плена до Иисуса). Но 21 и 14 – числа, кратные семи, значит, поколения как бы разбиты здесь по семеркам. Иными словами, родословная в обоих Евангелиях

составлена так, чтобы ее легче было запомнить – по числу поколений. Она имеет весьма стройный вид, определенную структуру. Английские экзегеты ввели для ее обозначения особый термин: *telescoping,* то есть как бы взгляд издалека, когда несколько поколений могут слиться в одно. Но это не исторический документ, это – текст богословский. Через родословную Господь что-то говорит нам.

Любой внимательный читатель – а тем более читатель евангельских времен, когда Ветхий Завет знали лучше, чем теперь, – сразу должен понять, что эта родословная скорее всего представляет собой что-то вроде семейной галереи предков – подчеркиваю, предков не Спасителя, а Иосифа. Так зачем она дана в Евангелии?

Сразу после родословной в 1-й главе Евангелия от Матфея рассказывается, как ночью Иосифу во сне явился ангел и сказал: «Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою; ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого».

«Не бойся принять Марию, жену твою» – именно как жену (эта грамматическая форма называется *accusativus duplex,* двойной аккузатив – принять кого кем?). И дальше: «Родит же Сына». Так сказано в греческом тексте (Евангелие от Матфея написано по- гречески) и, следовательно, во всех переводах: «Родит же Сына».

Но среди переводов Нового Завета выделяется один, занимающий особое место, – это перевод на сирийский язык. Дело в том, что Сам Иисус говорил и проповедовал по-арамей-

ски, и авторы Евангелия думали по-арамейски, хотя и писали по-гречески.

Арамейский текст этого Евангелия не сохранился, может быть, его никогда и не было. Но зато есть перевод на сирийский язык, очень близкий к арамейскому. С чем это можно сравнить? Допустим, какой-то текст был написан на украинском языке, затем переведен на французский. Украинский оригинал не сохранился. Но при переводе текста с французского на русский какие-то элементы украинского оригинала – в силу схожести русского и украинского языков – в этом двойном переводе как бы восстанавливаются.

В переводе на сирийский язык восстанавливаются некоторые особенности арамейского оригинала. В сирийских рукописях, в отличие от остальных древних переводов Евангелия от Матфея (на армянский, грузинский, коптский, нубийский и другие языки – переводов, сделанных в первые века, очень много), сказано не просто «Родит же Сына», а «Родит *тебе* Сына» (курсив мой – *Г.Ч.)*. Это очень важное местоимение – «тебе», «для тебя», потому что в Новом Завете 27 раз повторено: Иисус рождается для нас. «Для вас», – так говорит апостол Павел. Для меня, из-за моих грехов, чтобы спасти меня. Русское «для кого- то» и в сирийском, и в греческом языках очень часто передается через дательный падеж. «Родит тебе» – т. е. для тебя, в твоих интересах, ради тебя.

Конец этой фразы такой: «и наречешь Ему имя…» А что значит наречь, или дать имя? Это означает не просто назвать

новорожденного, а дать *свое* имя в его родословную, ведь имя отца гораздо важнее. Мы не знаем имени слепого, которого исцеляет Христос: в Евангелии он назван Вартимеем. Но это не его имя: Бар Тимей – это сын Тимеев. А Иисус был до определенного времени Бар Иосеф – сын Иосифа.

Иисус рождается для людей, для человечества. И первым из людей, ради которых Он приходит в мир, Его встречает Иосиф. Значит, Иосиф присутствует здесь как бы от имени всего человечества, от имени каждого человека. И именно поэтому родословная Иосифа становится родословной Иисуса. Это – *родословная человечества,* ради которого Спаситель пришел в мир. Не родословная Его непосредственных предков, а родословная человечества.

Вот они, эти люди: четырнадцать поколений от Авраама до Давида, четырнадцать – от Давида до плена, четырнадцать – от плена до Иисуса. Получается как бы икона, состоящая из трех частей – левой, центральной и правой. Слева стоят древние праведники от Авраама до Давида, в центре – люди среднего поколения, справа – уже непосредственные предки обручника Марии, жившие от периода плена до Иосифа. Это напоминает рублёвскую фреску из Успенского собора во Владимире – «Праведники, идущие в рай». Там изображены, разумеется, не все праведники, а отдельные, как бы вырванные из тьмы веков фигуры. Вот и в родословной то же – не все люди, а как бы взятые из каждого исторического периода: по 14 человек на «фреске» у Матфея, по 21 – у Луки.

Если всмотреться в эту «фреску» внимательнее, то нетрудно заметить, что здесь очень мало достойных имен, в основном – люди преступные, надменные, злобные, безнравственные, страшные. Страшная родословная. Но ведь Иисус приходит к человечеству падшему, а не благополучному. Если бы человечество не пало, то и в вочеловечении Христовом не было бы нужды. Только затем и пришел Христос в этот мир, чтобы спасти падших. И эта «картина», эта родословная – портрет падшего человечества.

Замечательный богослов Самуэль Бернар обратил внимание вот на что. Первая фраза родословной – «Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова…» А какое последнее имя в родословной? «Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос». Первое и последнее имя в родословной – Иисус. Альфа и Омега. Он обнимает Собою всех, кто внутри: 14, 14 и 14. В родословной можно обнаружить еще одну деталь. В начале этой цепочки поколений стоит ключевое имя – Авраам, далее – Давид и последнее из ключевых – Христос, по-еврейски מָשִׁיחַ *(Машиа́х)*. А, Д, М – из первых трех букв ключевых имен родословной таблицы складывается слово «Адам» – «человек», или «человечество». Это, действительно, икона человечества.

Здесь следует сказать, что, поскольку в Ветхом Завете запрещено графическое изображение, его авторы начинают «рисовать», используя слово. Так появляются тексты, включающие в себя ярчайшие зрительные образы. Подобные тек-

сты, кстати, есть и в других восточных культурах, например в арабской, где Коран запрещает изображение человека и животных. В арабской поэзии есть тексты, каких нет ни в русской культуре, где живопись существовала в течение тысячелетия истории христианства, ни в английской, ни во французской, ни в какой-либо другой европейской или восточной культуре, где не запрещено графическое изображение. Тут действует принцип дополнительности. Как у слепых блестяще развивается память, так в условиях, когда в той или иной культуре появляется запрет на графическое изображение, человек словом создает картины, рисует зрительные образы.

Таким образом, первая страница Нового Завета представляет собой портрет падшего человечества, к которому и ради которого, для которого приходит Иисус.

Благовещение

…Иисус еще не родился, ангел только является к Его названному отцу, как об этом рассказывает Евангелие от Матфея, и к Его будущей Матери Марии Деве, как это показано в Евангелии от Луки… Оказывается, в Новом Завете не одно Благовещение, а два. Это как бы две парные иконы, поэтому одна не вполне понятна без другой. О Благовещении Иосифу было сказано выше. В Евангелии от Луки сцена примерно та же. И еще очень хорошо прочитать этот текст параллель-

но с 6-й главой книги Судей, где ангел является Гедеону со словами «Господь с тобою!» и велит ему исполнить некую миссию: спасти Израиль от мадианитян. Деве Марии ангел тоже является со словами, ставшими теперь молитвой: «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою…» «Радуйся, Благодатная» – в Синодальном переводе, χαίρε κεχαριτωμένη – по-гречески. Здесь это слово χαρά, корень слова «радость», звучит дважды: в слове «радуйся» – χαίρε и в слове «Благодатная» – κεχαριτωμένη. Получается что-то, быть может, напоминающее русское «радуйся, обрадованная» или «радуйся, полная радости». В ответ на это непонятное пока для Нее приветствие – «благословенна Ты в женах» – Мария, еще не осознавая умом, но принимая сердцем Весть от ангела, восклицает: «Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему!»

Блаженный Иероним перевел это место на латынь как *esse ancilla Domini. Ancilla* – не раба, а служанка, служительница, т. е. у Иеронима передана радость служения. Слово «раб» для нас имеет всё-таки отрицательный оттенок, и в немалой степени этот оттенок несет весь Ветхий Завет; только в христологических главах книги пророка Исайи значение «раб» передано словом «отрок». Так или иначе, в ответе Марии заложен именно смысл добровольного служения.

Это подтверждается дальнейшим текстом, который тоже очень трудно перевести не только на русский, но и на любой другой язык. По-гречески Она восклицает: «γένοιτο!» Этот

глагол («быть», «становиться», «делаться») употребляется в Библии довольно часто, но только в повелительном наклонении, как в молитве «Отче наш»: «Да будет воля Твоя» – или в восклицании Бога в момент творения: «Да будет свет» (Быт 1: 3). Здесь же употреблено особое наклонение греческого глагола, которого нет в других языках, оно называется *optativus* – это так называемое желательное наклонение, через которое передается желание говорящего. Значит, получается не просто «Да будет Мне…», но «Да будет Мне, как Я того радостно желаю». Оттенок этот ускользает из любого перевода, но о нем необходимо помнить.

Ангел отходит от Марии, и Она отправляется «в нагорную страну, в город Иудин», в дом Захарии. Этот рассказ напоминает книгу Самуила, или Вторую книгу Царств, главу 6-ю, стих 2-й: «И встал и пошел Давид и весь народ, бывший с ним из Ваала Иудина…» Они, как и Мария, тоже идут в горы, чтобы перенести оттуда ковчег Божий. В Евангелии от Луки говорится, что, увидев Матерь Божию, приближающуюся к их дому, будущий Иоанн Предтеча взыграл во чреве своей матери Елисаветы. Он пляшет во чреве матери подобно тому, как царь Давид «скакал из всей силы» перед ковчегом Завета, когда его несли в Иерусалим. А кто такая Матерь Божия? В греческом акафисте Богородице есть замечательная фраза: «Радуйся, Святая Святых большая, радуйся, ковчеже, позлащенный Духом». А в латинской литании Матери Божией есть такая фраза: *«Arca foederis ora pro nobis»*

– «Ковчег Завета, молись о нас!» Для средневекового богословия Матерь Божия, несущая во чреве Своем Младенца Иисуса, – это новый ковчег Завета.

Рождество Христово

Рождается Иисус в Вифлееме. На встречу с Ним бегут пастухи. И приходят поклониться Ему волхвы с Востока.

В библейской практике эти два текста – о поклонении волхвов из Евангелия от Матфея и о поклонении пастухов из Евангелия от Луки – читаются параллельно. При этом нередко ставится вопрос: какой текст достовернее? Как было на самом деле? Действительно, ситуация здесь, в сущности, одна и та же: Вифлеем, ясли с Младенцем, Мария, склонившаяся над Ним, Иосиф, и идут люди – то ли пастухи со своими пастушескими посохами, то ли волхвы, тоже с посохами. Когда смотришь на икону старинного мастера, то не всегда знаешь, что же именно изображено: то ли поклонение волхвов, то ли – пастухов.

В XIX веке библеисты нередко утверждали, что евангелист Лука, как эллинизированный писатель, проникнутый духом греческой буколической, т. е. пастушеской, поэзии увидел в том шествии пастухов, а евангелист Матфей, человек восточный, живущий ветхозаветными текстами, увидел в тех же самых фигурах волхвов, или магов с востока. Наверное, такой подход возможен, но лишь в том случае, если

не считать Библию Словом Божиим, богодухновенной от начала до конца. Если же мы убеждены, что в Библии нет ни одного случайного текста, – тогда надо попытаться понять, почему в одном Евангелии фигурируют пастухи, а в другом – волхвы. И как одно Благовещение – явление ангела Иосифу – дополняется другим – явлением ангела Марии, так же и эти два рассказа дополняются один другим.

Пастухи пришли к Младенцу в ту же ночь, когда Он родился. Чтобы добраться до Вифлеема, им понадобилось 15–20 минут после того момента, когда они увидели ангела и услышали ангельскую песнь: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение». Ангел им сказал: «Я возвещаю вам великую радость (здесь еще раз употреблено слово «радость» – *Г.Ч.),* ибо ныне родился вам Спаситель» *(вам* родился! В Евангелии от Матфея было «тебе родился», а здесь – вам, людям, для вас, для людей родился)… Итак, проходит несколько минут, и вот они уже на месте, рядом с Младенцем. Они люди простые, их путь к Богу мгновенен. Им не требуется много времени, чтобы прийти к Богу, – этим простодушным, почти диким пастухам.

А вот волхвы. Это интеллектуалы Древнего Востока, они знают всё, читали священные книги древних народов и узнают будущее по звездам, они могут всё что угодно предсказать, как поется в тропаре праздника Рождества Христова: «…в нем бо звездам служащий звездою учахуся». Их путь к Богу оказывается значительно более долгим и трудным, они

идут чуть ли не год, если не больше, – через пустыни, реки, овраги и горы, пока, наконец, не приходят к Нему.

Так и сегодня к Богу ведут два пути. Один – путь простых людей с открытым сердцем. Он быстр и прост. Другой – путь магов, или волхвов. Он долог и труден. Сегодняшняя интеллигенция идет именно путем волхвов – долгим, трудным, опасным, иногда через ущелья, из которых, кажется, нет выхода, но всё же приводящим к Тому же Младенцу Иисусу. Над этим очень важно задуматься. Это одно из удивительных мест в Евангелии, когда *Бог именно через сличение двух рассказов посылает нам Свою Весть.* Узнав об этих двух путях, невозможно читать *только* о поклонении пастухов в Евангелии от Луки или *только* о поклонении волхвов в Евангелии от Матфея. Одним путем пришли в Церковь бабушки, которых и сейчас еще можно встретить во многих деревенских храмах, где они подвизаются уже лет по шестьдесят. Одна такая старушка говорила мне, что за последние семьдесят четыре года она только два раза пропустила воскресную обедню – пока с инфарктом маялась. А так всю свою жизнь каждое воскресенье молилась за обедней и причащалась Святых Христовых Тайн. Она пришла ко Христу путем пастухов. А мы, люди конца двадцатого века, да уже почти двадцать первого, идем трудным путем волхвов. Но идем к Тому же Младенцу Христу. Оба пути ведут в Вифлеем.

Выше была упомянута песнь ангелов из Евангелия от Луки: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках бла-

говоление». Мы слышим ее в храме в начале каждой утрени, перед шестопсалмием, или в конце утрени, в начале великого славословия, и это наполняет наши сердца совершенно особой радостью. В славянском варианте песнь делится на три части: «Слава в вышних Богу» – «и на земле мир» – «в человеках благоволение». Однако слово «благоволение», по-гречески – εὐδοκία, в древнейших рукописях стоит здесь в родительном падеже (не εὐδοκία, а εὐδοκίας). Значит, не «в человеках благоволение», а «в человеках благоволения». Блаженный Иероним, переводивший Евангелие на латинский язык, это заметил, у него так и переведено – родительным падежом: *bonae voluntatis.* Выражение «добрая воля» («люди доброй воли») происходит именно отсюда. Однако Иероним, правильно поняв здесь грамматическую форму, не понял значения слова εὐδοκία. Εὐδοκία – это не добрая воля людей, а воля Божия, ибо этим словом в греческих текстах Нового Завета обычно обозначается именно любовь Божия. Как в словах Бога Отца в момент Богоявления: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Нем же благоволих». По-славянски этот текст скопирован очень точно. Со славянского же на русский фразу «О Нем же благоволих» надо перевести как «Которого Я люблю» – «Вот Сын Мой возлюбленный».

Что же получается? «Слава в вышних Богу, и на земле мир…» Мир – где? Не просто на земле, никем не населенной, а мир – в людях, которых любит Господь. На небесах – слава Божия, сияние Божие. А на земле это сияние превра-

щается в *(шало́м),* мир в сердцах тех людей, которых любит Господь. Здесь есть что-то, напоминающее прошение в молитве «Отче наш»: «Да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли». Как на небе Твоя воля, так да будет она и на земле – на небе слава, на земле мир.

Отражением славы Божией, которая сияет на небе, является *шало́м* – мир в сердцах людей на земле. Именно *шало́м,* ибо на иврите это не совсем то, что ειρήνη по-гречески. Είρήνη – это мир, антоним слова «война». А *шало́м* – это полнота бытия, полнота отданности и открытости друг другу; это слово передает ощущение полного единства человечества в Боге.

Мир *(шало́м)* на земле, в сердцах людей, которых любит Господь, есть отражение той славы Божией, которая на небесах, той славы Божией, которую видел и описал пророк Исайя в начале 6-й главы своего пророчества.

Само выражение «яко на небеси, и на земли» взято из Екклесиаста: «Не торопись языком твоим, и сердце твое да не спешит произнести слово пред Богом; потому что Бог на небе, а ты на земле» (Екк 5: 1).

Рукописная традиция

Новый Завет дошел до нас в рукописях самого разного времени. Древнейшие из них – рукописи IV века. Это зна-

менитый кодекс *Sinaiticus Petropolitanus* – рукопись, которая раньше хранилась в Петербурге, а после революции была продана англичанам и теперь находится в Британском музее. Это также Ватиканский кодекс, названный так по месту хранения. Правда, он был похищен Наполеоном и временно находился в Париже, но после 1812 года его вернули в Рим. Это и Александрийский кодекс, который тоже хранится в Англии, в Британском музее.

Sinaiticus Petropolitanus первоначально хранился в монастыре св. Екатерины на Синае. Монахи решили было уничтожить ветхую, без переплета рукопись – в монастырях Востока любят, чтобы в библиотеке всё было красиво, – но в это время ее случайно обнаружил немецкий ученый на русской службе К. Тишендорф и попросил передать в подарок российскому императору Александру II. Так Синайский кодекс оказался в Петербурге, попал в поле зрения ученых и был издан.

Эти три древние рукописи вместе с еще более древними, сохранившимися только во фрагментах папирусами I–II веков и более поздними, относящимися к V–VII векам, составляют первую группу рукописей Нового Завета. Вторая группа рукописей относится к IX–XI векам.

В ряде случаев тексты древних и поздних византийских рукописей существенно различаются. Таких случаев не так уж много, но знать их необходимо. Перевод под редакцией епископа Кассиана (Безобразова) сделан именно с древних

рукописей, поэтому, сличая Кассиановский перевод с Синодальным, можно, даже не зная греческого языка, легко обнаружить все эти значимые различия.

Иногда в византийском тексте присутствует намеренная редактура. В Нагорной проповеди Спаситель говорит: Молись Богу тайно, и Он воздаст тебе явно; постись тайно, и Он воздаст тебе явно; подавай милостыню тайно, и Он воздаст тебе явно». В византийских рукописях получается очень выразительное противопоставление: «тайно – явно». Но в древних рукописях слова «явно» нет. В них сказано: молись, постись, давай милостыню тайно, и Бог воздаст *тебе.*

Слово «явно» появилось в византийских текстах примерно в VIII веке как следствие упрощенного понимания христианства. (Это как у матери, которая говорит ребенку: «Молись Боженьке – получишь пятерку». А пятерку он получает совсем не потому, что молился, а потому, что хорошо и внимательно делал уроки.) Здесь читатель ориентируется на результат – на легкий результат, как ребенок, которому показывают лакомство и говорят: «Будешь вести себя хорошо – получишь пирожное». Это очень опасная и глубоко антихристианская, антиправославная тенденция. Слово «явно» попало в текст Евангелия в Византии в условиях огосударствления христианства, когда Слово Божие приспосабливали к нуждам идеологии. Чтобы люди были добрыми христианами, надо их заинтересовать. А как? Результатом. Конечным результатом. Вот, пожалуйста, молись, и Бог воздаст те-

бе явно. Простодушный человек поддается на такого рода агитацию и начинает молиться. Действительно, это делает людей христианами, но только христианами, которые верят не в Христа, а в результат своего благочестия.

Похожий случай – слово «напрасно» в Евангелии от Матфея: «Всякий, кто гневается на брата своего напрасно, – говорится в византийском тексте, – подлежит суду». В древних рукописях слова «напрасно» нет: «Всякий, кто гневается на брата своего, подлежит суду». Не гневаться – это очень трудно, но Спаситель ждет от нас именно этого. С появлением слова εἰκῆ – «напрасно» в византийских текстах стих теряет смысл. Но в условиях государственного христианства это словечко было необходимо, потому что император, естественно, может гневаться на своих людей и, разумеется, не напрасно, ведь он – император.

Да, не гневаться вообще – фантастически трудно. Но именно к этому нас зовет Иисус. Не гневаться напрасно – это даже не цель, ибо если я хоть сколько-нибудь владею собой, то всегда смогу доказать, что мой гнев не напрасен. Дав нам заповедь «не гневаться», Иисус поставил нас перед задачей, которая подобна сияющей от белизны недостижимой вершине Эвереста или Эльбруса. Достичь ее (вообще не гневаться!) почти невозможно, но, всегда сияя своей белизной перед нашими глазами, она каждому из нас безошибочно указывает направление той дороги, по которой мы решились идти вперед.

Третий пример. «Если согрешит брат твой, – говорит Спаситель, – пойди и обличи его между тобою и им одним», т. е. если ты видишь, что брат согрешил, наедине скажи ему об этом. Совершенно замечательная рекомендация, удивительная и глубоко евангельская. В византийском же тексте (и это перешло в Синодальный перевод) подставлены два слова: «против тебя». Если брат твой согрешил *против тебя,* тогда обличай его, а если просто согрешил – тогда и не надо. Христианин, который будет обличать (не наедине, разумеется, – ведь мы любим обличать за глаза, мы никого не обличаем в лицо, мы этого не любим, боимся испортить отношения), получает от Спасителя совсем другую рекомендацию: обличи наедине, если брат согрешил. Эти два слова – *против тебя* – сразу как бы «обезвреживают» стих. Византийский текст делает христиан социально неопасными. Потому что христианин, который обличает всякого, кто согрешил, социально опасен, а обличающий только того, кто согрешил против него, опасности не представляет.

На этих трех самых вопиющих примерах византийской цензуровки можно понять, до какой степени было обезврежено такое, сросшееся с госаппаратом, христианство.

… Рождается Младенец, и волхвы приносят ему дары – золото, ладан и смирну. Золото – как царю, потому что на библейском языке золото – знак царской власти. Ладан – символ святости; как святому – а свят только Бог – Ему приносят они ладан, тем самым свидетельствуя, что в этом Мла-

денце, как потом скажет апостол Павел, вся полнота Божия пребывает телесно. Но апостол пользуется здесь языком греческой философии, а Евангелие от Матфея, рассказывая о поклонении волхвов, использует язык символов. И смирну приносят волхвы, а она бывала нужна только для бальзамирования тел умерших. Смирна – знак того, что Он пришел в этот мир, чтобы умереть, как бы первый в Новом Завете намек на крест, на крестное страдание, на то, что этот Младенец вырастет и пойдет на крест – за нас. Потому что Он родился, как сказано у Матфея (в сирийском варианте перевода) и у Луки (во всех вариантах), – «для нас» или «для тебя». Младенец, Которому волхвы принесли смирну как знак, как символ смерти, лежит в такой же пещере, в какой после погребения будет лежать Иисус умерший. Младенец так же запеленут, как будет запеленут Он умерший. Два евангельских текста – поклонение волхвов в начале и погребение Спасителя в конце – тоже (как и сообщение о пастухах и волхвах) следует читать один на фоне другого.

Об этом же, только на другом языке, будет сказано в Евангелии от Иоанна: «Отче! – говорит Иисус, – избавь Меня от часа сего! Но на час сей Я и пришел». Иисус в этой молитве ясно, прямо говорит о том, о чем в Евангелии от Матфея сказано в виде намека.

Бегство в Египет

Снова ангел является Иосифу и говорит: «Возьми Младенца и Мать Его, и беги…» И, не дожидаясь утра, Иосиф уходит вместе с Марией и Младенцем: «Он встал, взял Младенца и Матерь Его ночью, и пошел в Египет» (Мф 2: 14). Не дожидаясь утра, Иосиф здесь как бы показывает нам, что и мы должны, когда к нам обращается Господь, не ждать, а сразу исполнять Его слово.

…И убегают в Египет. Мы ничего не знаем о пребывании Святого Семейства в Египте, но известно, что с первых же веков распространения Евангелия по миру Египет стал страной монахов, страной иночества. Именно в Египте жили Антоний Великий и его друг Павел Фивейский, первые пустынножители. Именно в Египте Пахомий, создатель монашеского общежития, основал свою лавру – первый в истории мира и Церкви монастырь; именно в Египте жили блаженная Исидора и великое множество других святых. Макарий Египетский, которому приписывается авторство большинства утренних и вечерних молитв, тоже жил и подвизался там. Для жительства монахи выбирали, как правило, древние гробницы, разграбленные или полуразграбленные, опустошенные и превращенные в пещерки; там они скрывались от дневной жары и ночного холода, там, в пустыне, где нет ни воды, ни еды, искали они свой путь к Богу. Особый, труд-

ный путь.

Монахи, которые жили в Египте, конечно, знали из Евангелия, что где-то здесь скрывался Младенец Иисус, увезенный сюда Иосифом. Им хотелось найти следы пребывания Иисуса в этой стране, но не получалось. И вдруг чей-то взор упал на голову огромного сфинкса вблизи пирамиды Хефрена, сфинкса, которого египтяне называли отцом ужаса. Сфинкс этот в прежние времена улыбался – та улыбка сохранилась для нас в стихах греческих поэтов, на одной из гравюр XVIII века. Но увидеть ее «в оригинале» теперь нельзя: наполеоновские солдаты упражнялись в стрельбе из пушек по голове скульптуры. Так вот, однажды, когда она была еще целой, взгляд по-детски наивного, радостно настроенного монаха скользнул по устам сфинкса. И вдруг он понял: сфинкс улыбнулся оттого, что увидел Богомладенца – Мария с Младенцем на руках и Иосиф, прибыв в Египет, заночевали между лапами этого сфинкса. Так сложилась легенда о том, что сфинкс улыбнулся, увидев Младенца, и, поскольку он каменный, улыбка застыла на его губах навсегда. Пройдут века, и дядя последнего русского царя поэт Константин Романов напишет замечательное стихотворение об этой легенде…

Что это? Пример того, как рождаются сказки о чудесах, или заведомый обман? Ни то, ни другое. Это отблеск веры в культуре, в творчестве – в литературе, в живописи, в скульптуре, отблеск, который может быть обнаружен в чем угодно.

Это отблеск несомненной веры в реальное присутствие Божие среди нас; просто в уме и сердце обыкновенного человека он трансформируется в наивную, бесхитростную и радостную легенду. Нужно помнить, что это всего лишь легенда, ибо сфинкс, разумеется, улыбался и до той ночи, когда Мария с Младенцем оказались в Египте. Но нужно понять и того монаха… И не осуждать его, а попытаться почувствовать благовоние, благоухание этой веры. Ведь у многих средневековых легенд и религий именно такое происхождение. Не нужно их отвергать. Надо только воспринимать их не как исторические факты, а именно как факты духовной жизни, как благовоние сердец человеческих.

То же самое можно сказать и о другом евангельском следе в истории европейской цивилизации. Мы не знаем, сколько было волхвов – в Евангелии об этом ничего не сказано. Там просто говорится «маги», «волхвы» – во множественном числе. Но традиция почему-то считает, что их было трое. Обычно их так и изображают, втроем. Более того, традиция даже дала каждому из них имя – Валтасар, Мельхиор и Каспар. Более того, оказалось, что есть могила этих трех волхвов. В Кёльнском соборе! Трудно понять, почему так далеко на север попали их останки, но могила их там. Житель средневековой Германии не только не имел возможности побывать в Палестине, но вообще ничего не знал о ней. Он не видел ни гравюр, ни, тем более, фотографий. Он, может быть, даже никогда за всю свою жизнь не видел человека,

побывавшего в Палестине. А гробница – это как бы возможность прикоснуться к святыне, к чему-то материально связанному с Евангелием. Для человека это иногда очень важно, потому что материальный след – это всегда своего рода фундамент, на который опирается наше человеческое восприятие. Без этого очень трудно. Вот и появляется легенда… И могила. Как к ней относиться сегодня? Как к средневековой фальшивке? Всё-таки нет. Именно как к следу, который был необходим средневековому человеку. К следу, который убеждал его в том, что всё было именно так, как сказано в Евангелии.

В одном деревенском храме я видел икону, в которую был вмонтирован ковчежец с мощами, маленькими косточками… евангелиста Луки. Я спросил батюшку: «Что это за ковчежец?» И узнал, что сколько ни служило здесь священников, ни один к этой реликвии серьезно не относился. Понятно, что никакого отношения эти косточки к евангелисту Луке не имели. Но наивному сердцу прихожанина их присутствие о чем-то говорило. Для него этот ковчежец был каким-то материальным свидетельством, укрепляющим его веру.

Мы, люди двадцатого века, в подобных свидетельствах не нуждаемся. И не только потому, что у нас есть кино, фото и возможность путешествовать. Думаю, что мы не нуждаемся в них прежде всего по той причине, что научились читать Слово Божие, что умеем видеть в Евангелии то, чего еще сто

лет назад люди увидеть не могли. Всего лишь 100–200 лет назад человечество почти не умело читать Священное Писание. В условиях неумения и появлялись материальные свидетельства его достоверности, подлинности того, о чем сказано в Библии. Поэтому воспринимать их нужно как радостные послания прошлого…

О чтении Евангелия

Рассказ о Рождестве Христовом есть в Евангелиях от Матфея и от Луки; в Евангелиях от Марка и от Иоанна его нет. Правда, в Евангелии от Иоанна есть следующие стихи: «Пришел к своим, и свои Его не приняли». То есть Христос пришел к своим – братьям и сестрам, родился в мир. «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» (Ин 1: 11–13).

Выражение «которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» сразу вызывает сомнение, т. к. в греческом тексте слово «кровь» употреблено во множественном числе. В единственном числе это слово обозначает ту кровь, которая течет в жилах, а во множественном – это «кровь, которая пролита», как в 50-м псалме, стих 16: «Избавь меня от кровей, Боже, Боже спасения моего…» Что значит «избавь меня от кровей»? Избавь меня от убийства, от пролитой крови. Значит, в Евангелии от Иоанна

во фразе «которые ни от крови родились…» речь идет не об обычном, а о каком-то другом рождении. Значит, тут речь идет о Рождестве, о котором говорит церковная традиция с первых веков.

Теперь – слово «родились». В рукописях Нового Завета оно везде стоит во множественном числе, но в цитатах этого стиха у Отцов Церкви IV века, как правило, в единственном – «родился». Так у Киприана Карфагенского, у Тертуллиана *(sed a Deo natus est* – у Киприана). Это значит, что Иоанн говорит об Иисусе, Который родился не от кровей, не от хотения плоти, не от хотения мужа – т. е. чудесным образом, от Бога.

Вот пример того, как важно к каждому евангельскому стиху подходить с огромной бережностью, как важно уметь его прочитывать, опираясь на цитаты, сохранившиеся у древних писателей, и обращая внимание на каждую, самую малую деталь текста.

Если бы у Иоанна действительно было сказано «ни от крови», как в Синодальном переводе, то и проблемы не возникло бы. Но на самом деле слово «кровь» употреблено во множественном числе – и это уже ставит проблему. И слово «родился» – в единственном числе – в евангельских цитатах у древних писателей как бы разрешает ее, показывая, что речь здесь не о нашем рождении, а о рождении Иисуса.

В свете такого толкования в рассматриваемом стихе должно бы читаться не «верующим во имя Его», а «верующим во

имя Того, Который родился…» Опять-таки в русском переводе это стерто.

…«Который родился». Евангелие от Иоанна, начиная с Рождества предвечного («В начале было Слово…»), переходит к Рождеству во плоти, к Рождеству в Вифлееме.

Сретение

Евангелист Матфей рассказывает нам о бегстве Святого Семейства в Египет и об избиении младенцев. На этом всё, что касается первых тридцати дней жизни Иисуса, в повествовании Матфея заканчивается.

Лука добавляет к этой картине несколько штрихов: прежде всего это рассказ о Сретении – о том, как Иосиф с Марией приносят сорокадневного Младенца Иисуса в храм. Рассказ, который все достаточно хорошо знают, хотя не все читали его так внимательно, как следовало бы. «А когда исполнились дни очищения их…», – говорит евангелист. Обратите внимание на слова: «очищения их». В Библии ничего об «очищении их» не говорится. И Ветхий Завет, и христианская традиция знают только очищение матери после рождения младенца (имеется в виду очищение от кровей пролитых), но отец или младенец в очищении не нуждаются. При чем же тут «очищение их»? Оставим пока этот вопрос, отметив, что это место вызывает явное недоумение.

Второй парадоксальный момент в данном тексте заключа-

ется в том, что в этой сцене как бы нет родителей. Есть Младенец, есть старец Симеон, пророчица Анна, и только в последний момент появляются Иосиф и Мария.

Третий парадокс. Родители Младенца приносят в жертву двух горлиц или двух голубков. В 12-й главе книги Левит говорится, что за очищение матери нужно принести в жертву голубя или горлицу, а двух горлиц или двух голубков жертвуют, как об этом говорит книга Чисел (6: 10), за *назира* (נָזִיר) – того, кто посвящен Господу. Иными словами, в Евангелии от Луки жертва приносится не за очищение Марии, Матери Младенца, а за что-то иное.

И последнее: здесь ничего не говорится о выкупе за первенца, которого требует Закон (Числ 18: 15–16). Зато есть слова о пророчице Анне, которая «в то время подошедши славила Господа и говорила о Нем всем, ожидавшим *избавления* в Иерусалиме» (Лк 2: 38).

В греческом же тексте находим не «избавление», а λύτρωσις – «выкуп». Значит, речь идет о выкупе, но не о выкупе первенца, а о выкупе Израиля, как в 129-м псалме: «Ибо у Господа милость, и многое у Него избавление. И Он выкупит Израиля от всех беззаконий его»[1].

Итак, здесь говорится о том, что Бог выкупит Израиля, Свой народ. И Симеон ожидает выкупа Израиля, сказано в оригинале, а совсем не утешения. Речь идет о выкупе за на-

[1] Перевод автора. – Ред.

род, и мы понимаем, что это – крестная смерть Иисуса, о которой мы читаем в тропаре: «Искупил нас еси от клятвы законныя честною Твоею Кровию; на Кресте пригвоздился, копием прободся, безсмертие источил еси человекам, Спасе наш, слава Тебе».

Если представить себе, что рассказ о Сретении – это икона, но написанная словами, то сквозь сцену встречи Симеона с Богомладенцем и Его Матерью в храме как бы просматривается крест. На первом плане мы видим фигуру старца Симеона, Младенца на руках у Матери, пророчицу Анну с одной стороны, рядом со старцем и праведного Иосифа с другой, рядом с Марией, а сзади как бы уже просматривается крест, выкуп Израиля. Тогда становится понятно, о каком очищении идет речь. Не об очищении Марии от скверны, потому что Она и так чиста – «Нескверная, Неблазная», как мы молимся во время Великого повечерия. Речь идет об очищении *людей от грехов их.* Вот какой глубочайший смысл заложен всего лишь в одном слове «их» вместо ожидаемого «Ее». Очищение людей, выкуп за людей, символический выкуп в виде двух горлиц или двух голубков – за Сына, который есть *назѝр,* т. е. посвященный Богу. И сразу по-другому начинает звучать весь этот текст. Сразу становится ясно, что в нем говорится прежде всего о том, зачем пришел в этот мир Иисус. На сороковой день Его земной жизни это уже ясно – Его путь уже открыт.

Если смотреть на рассказ о Сретении Господнем как на

икону, то в центре будет Младенец на руках у Матери, справа стоят Симеон с Анной. Она подносит Его к Симеону. В лице Симеона Богоприимца как бы представлены все мудрецы Ветхого Завета, а в лице 84-летней Анны – все жены Ветхого Завета: Сарра, Ревекка, Рахиль, Девора и т. д. Матерь Божия рядом с Иосифом, Симеон с Анной и Мария – люди, жизнь которых можно охарактеризовать одним словом: верность. Но для Симеона или Анны это – верность *ожидания.* Анне уже 84 года, и она ни день, ни ночь не отходит от храма, пребывая в молитве и посте, т. е. живет в полной верности Богу. Симеон настолько верен ожиданию Мессии, Христа, Который должен во плоти прийти в этот мир, что даже не может умереть, пока не увидит Его. А верность Марии – это уже верность *со-работы,* верность пребывания со Христом и труда вместе с Ним.

В этом и заключается принципиальная разница между верностью ветхозаветной и новозаветной: первая есть всецело верность ожидания, а вторая от начала до конца – верность со-работы.

Праведники Ветхого Завета ждут, их взор как бы устремлен в будущее. У Исайи говорится: «Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий; на живущих в стране тени смертной свет воссияет (Ис 9: 2).

Из VIII века до Рождества Христова говорит об этом пророк. Пройдет восемь столетий, и только тогда воскликнет Симеон Богоприимец: «Ибо видели очи мои спасение Твое,

Которое Ты уготовал пред лицем всех народов, Свет к просвещению язычников…» (Лк 2: 30).

Исайя говорит о том, что свет для язычников воссияет в будущем. Симеон говорит о Свете, который *уже* засиял. Вся верность праведников Ветхого Завета устремлена в далекое будущее; у праведников Нового Завета, как, скажем, у преподобного Серафима Саровского, это верность труда вместе со Христом, верность со-работы. Апостол Павел потом скажет об этом прямо и ясно: «Мы соработники у Бога» (1 Кор 3: 9). Не случайно в евангельских текстах столько раз употребляются слова «соработник» и «работник».

И еще одна грань происходящей в храме встречи двух Заветов – Ветхого и Нового. Симеон, последний человек Ветхого Завета, обращаясь к Марии, первой жене Нового Завета, говорит: «И Тебе Самой оружие пройдет душу, – да откроются помышления многих сердец» (Лк 2: 35).

«И Тебе Самой…» Маленькое слово – союз «и», но от него многое зависит; оно здесь почти лишнее, складнее было бы без него: «Тебе Самой оружие пройдет душу». Но это «и Тебе» означает, что не только Он будет пронзен копием на кресте, когда «один от воин Его копием прободе, и абие изыде кровь и вода», но и Ей, стоящей у креста, это копие пройдет сквозь душу. Вот что здесь за этим союзом «и». Вспоминаются икона, на которой изображена Матерь Божия вместе с Иоанном Богословом у креста, и францисканская песнь *«Stabat mater dolorosa»* – «Мать скорбящая стояла».

Одним только коротким союзом «и» Слово Божие прямо и четко указывает нам на то, что Матерь Божия будет соучастницей страданий Христовых, что, стоя у креста, Она разделит их с Сыном и будет Его соработницей в деле спасения человечества. Это еще один пример того, как внимательно нужно вчитываться в евангельский текст, вдумчиво вникая во все его особенности. Ибо за кажущейся «корявостью» слога стоит что-то очень важное, в высшей степени значительное.

Когда мы это осознаём, чтение Нового Завета становится весьма непростым и уже не дается нам столь же легко, как чтение романа. Тут помогут пост, молитва и вдумчивое вчитывание в текст. Это важно запомнить и почувствовать, продумать и пережить.

Премудрость Божия

Пройдет двенадцать лет после Сретения, и Отрок Иисус вместе с родителями окажется в храме в дни праздника Пасхи. Об этом упоминается у Луки. Отрок в храме среди учителей Закона. Он задает им вопросы, и слушающие удивляются мудрости этих вопросов. Если мы проследим, какое слово употребляется чаще всего в этом рассказе, то окажется, что это «мудрость». Из Первого Послания к Коринфянам мы знаем, что Христос есть воплощенная Премудрость Божия, но это чувствуется уже в тексте Евангелия от Луки, где Хри-

стос еще Отроком предстает перед нами как Премудрость Божия, явившаяся во плоти.

Следующее появление Иисуса на страницах Евангелия – только через 18 лет. Восемнадцать лет неизвестности. Молчание Евангелия о столь большом периоде в жизни Спасителя вызывает множество предположений о том, что делал Христос в эти годы. Немало книг написано о том, как Он ходил учиться мудрости в Индию, в Китай и даже в Японию. Обычно авторы этих книг приводят какие-то параллельные тексты из книг индийских, китайских или японских философов, из вероучительных книг этих народов, которые действительно можно сопоставлять с Евангелием. Создается впечатление, что многое в Евангелии связано с индийской, китайской и японской мудростью. Но такое впечатление может появиться только в том случае, если мы не знаем Ветхого Завета. Если же мы научимся читать Новый Завет параллельно с Ветхим и находить в Ветхом Завете в разных, порой неожиданных местах источник той или иной евангельской притчи, фразы, словосочетания, окажется, что в Новом Завете нет ничего, что не было бы уже сказано в Ветхом. В Новом Завете это только сфокусировано. Окажется, что нет нужды привлекать другие источники (греческую, китайскую или японскую мудрость).

Всё, что Христос сказал нам, Он сказал через Ветхий Завет до Своего рождения во плоти. Но сравните огромный объем Ветхого Завета с малым объемом Нового – и многое

сразу станет ясно. Правы были Н. А. Бердяев и В. С. Соловьёв, когда говорили, что в христианстве нет ничего такого, что не было бы сказано до Христа, что ново в нем только одно – Сам Христос, Его Личность, Его человеческое «Я». Всё остальное уже было до Него. И это надо понять и принять – без этого мы не христиане. И от иудеев нас отличает тоже только одно – принятие человеческого «Я» Иисуса из Назарета и одновременно встреча с Богом Ветхого Завета в Его лице. Это важно понять, потому что иначе мы будем всё время принимать за христианство что-то иное, будем абсолютизировать какие-то отдельные черты библейского вероучения и подменять ими христианство. Именно это время от времени происходит в богословии – берется какая-то одна черта христианства и говорится: вот, это христианство. Например, любовь, отношение к рабу, милосердие и т. д. Нет. Только когда мы видим Христа, стоим перед Ним – только тогда мы можем сказать: вот это христианство – Сам Христос, а не какие-то отдельные черты того вероучения, которое полностью было сформулировано уже в Ветхом Завете.

В Новом Завете нет ни одного стиха, которого в эскизе не было бы в Ветхом. Вероятно, именно поэтому Церковь так объединила Священное Писание, что Ветхий Завет не издается без Нового – именно для того, чтобы показать это. В Ветхом Завете уже как бы спрятан, заключен во всей полноте Новый Завет.

Крещение

Проходит тридцать лет, и Иоанн Креститель начинает свою проповедь. И в это же время приходит к людям, становится известным Иисус. На картине А. Иванова «Явление Христа народу» мы видим, как Иисус приходит, чтобы креститься от Иоанна в водах Иорданских. Иоанн говорит Ему, что недостоин, что ему самому нужно креститься у Иисуса, а не крестить Его. Иисус отвечает: «Оставь теперь; ибо так надлежит нам исполнить всякую правду». Оставь и делай. Оставь и действуй. Крещение как ритуал (по-гречески βάπτισμα – «омовение», «омытие») был известен и до Христа, и до Иоанна Крестителя, но ритуал этот был необходим только для язычника. Если язычник хотел стать иудеем, перед обрезанием ему нужно было креститься, т. е. подвергнуться ритуальному омовению.

Само слово «крещение» к слову «крест» никакого отношения не имеет, но в славянском языке эти два слова, не связанные друг с другом, стали обозначаться через один корень. Потому что, повторю, слово «крещение» по-гречески – βάπτισμα («омовение»), а «крест» – σταυρός, что значит «дерево»; по-латински «крещение» – *baptisma,* а «крест» – *crux; la croix* по-французски означает «крест», *le baptême* – «крещение». Иоанна называют Крестителем не за то, что он вооружен крестом, а потому, что совершает крещение,

омовение. По-французски Иоанн Креститель – Жан Баптист, потому что совершает *baptême*. Не зная этого, скульптор И. П. Витали изобразил Предтечу с крестом. И на картине А. Иванова он тоже, к сожалению, с крестом в руках.

Поскольку омовение было необходимо лишь для язычника, который хотел стать иудеем, то, когда Иоанн Креститель совершал этот ритуал над иудеями, это казалось им чем-то в высшей степени позорным. Ведь в глазах благочестивого иудея язычники – это как собаки, свиньи и вообще носители всевозможной грязи. И он, Предтеча, ставит их, детей и внуков Авраама, на одну доску с язычниками!

Но тут приходит Христос и ставит в один ряд с язычниками Себя. Вот что такое крещение Иисуса в водах Иорданских. Он не просто иудей по плоти и не просто сын Давидов; Он, в Котором полнота Божия пребывает телесно, ставит Себя в один ряд с язычниками, с людьми, которых и за людей-то не считают, – они для иудеев, может быть, даже хуже животных. Слово κένωσις означает «опуститься до дна», «стать рядом с самыми малыми, самыми грязными». Иисус именно это и делает. И как раз тогда над Ним раскрываются небеса, и Бог являет Себя человечеству во всей полноте. Именно поэтому праздник Крещения Господня называется также Богоявлением.

«Дух в виде голубине» – читаем мы в славянском тропаре этого праздника. В Евангелии Дух Божий является не в виде голубя, как сказано в Синодальном переводе, а в виде голуб-

ки (в греческом тексте употреблено слово περιστερά – женского рода, и в латинском переводе у блаженного Иеронима то же самое – *columba,* женского рода). Совершенно ясно, что Дух Божий – רוח אלוהים *(Руа́х Эло́хим)* – может быть только женского рода, ибо на иврите это слово – женского рода. Поэтому, когда в греческом тексте Евангелия Дух обозначается существительным женского рода, это как бы продолжение Ветхого Завета, это логически из него вытекает. Это Дух, который *мера́х эфо́д* – «парил над миром», подобно тому, как парит над гнездом голубка. Именно этот глагол мы встречаем в Библии на первых страницах книги Бытие: «И Дух Божий, – сказано в Синодальном переводе, – носился над водою». Глагол *эфо́д* – очень редкий в иврите. Он употребляется, когда нужно сказать, как птица парит над гнездом, не улетая высоко и не опускаясь, не садясь на него. Это, естественно, может делать только птица, которая высиживает яйца, самка.

«И Дух Святой, как голубка, парил над водою», – так надо бы исправить текст Синодального перевода.

В то время, когда Дух Святой является в виде голубки, облако осеняет эту сцену, «и глас из облака бысть, глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, о Нем же благоволих». «О Нем же благоволих…» – ἐν ᾧ εὐδόκησα – «Которого Я люблю». Я уже говорил, что греческое слово ευδοκία – это «любовь Божия».

«…Которого Я люблю». Тот, кто читал Ветхий Завет по-

славянски, должен знать эту формулировку, но в несколько ином виде: «Сын *твой* возлюбленный, которого ты любишь» (курсив мой – *Г.Ч.).* «Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь» (Быт 22: 2). Это о жертвоприношении Авраама. Не случайно как святоотеческая традиция, так и средневековое искусство сопоставляли эти две сцены – жертвоприношение Авраама и шествие Иисуса на Голгофу. Подобно тому, как Исаак несет дрова в гору, Иисус несет на Голгофу Свой Крест. Итак, в Ветхом Завете употреблено слово «единственный», по-еврейски יָחִיד *(яхид).*

«Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь…» – так в Синодальном переводе Ветхого Завета. Но в греческом варианте, в Септуагинте (переводе семидесяти толковников), сказано именно так, как в Новом Завете, в Евангелии от Матфея: «Возьми Сына Твоего возлюбленного (ἀγαπητόν), Которого Ты любишь». Так что у Матфея – прямая отсылка к Ветхому Завету. Подобно Аврааму, который готов принести в жертву Исаака, Бог приносит в жертву Сына Своего. «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего…», там сказано «единородного» (μονογενής) и употреблено прилагательное *яхид* – «…Сына твоего единственного, которого ты любишь».

Так тексты из книги Бытия о жертвоприношении Авраама и из третьей главы Евангелия от Иоанна с фразой, исходящей из уст Иисуса: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного…» (Ин 3: 16), – оказываются

связанными воедино со словами, прозвучавшими из облака в момент Богоявления: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф 3: 17).

В этих словах тоже уже присутствует крест – *«отдал* Сына Своего…» Как в сцене Сретения через детали текста мы видим крест, так и здесь, в сцене Богоявления, мы видим крест в словах «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение».

Специалисты, занимающиеся иконой, могут подтвердить: каждую икону надо уметь читать, вглядываясь в мельчайшие детали. И каждый евангельский текст надо читать так же, вглядываясь в детали, потому что именно в деталях можно увидеть очень важное послание Бога, какую-то очень важную Весть. Поэтому необходимо знать язык, на котором написан этот текст (не греческий или иврит – лишь очень немногие в двадцатом веке могут позволить себе роскошь знать эти языки так, чтобы читать на них Священное Писание). Надо знать *язык Писания,* чтобы узнавать в словах Нового Завета образы и места, соответствующие образам и местам Ветхого Завета. Надо уметь сопоставить один текст с другим и узнать, скажем, в Евангелии от Матфея какой-то отзвук Евангелия от Иоанна. И не только в тех местах, где на полях или между колонками даются отсылки к соответствующему тексту, но и там, где таковые отсутствуют. Надо помнить, что отсылки к параллельным текстам даются лишь в очень небольшом числе случаев. На самом же деле при-

рода библейского текста такова, что в нем каждый стих связан с каждым другим, что в одном стихе можно увидеть всю Библию. В одном только стихе слышится, например, отзвук библейского рассказа на иврите о жертвоприношении Авраама, и того же рассказа, но несколько переделанного Септуагинтой, и отзвук ночной беседы Иисуса с Никодимом. Всё это сливается в одно целое и становится понятным, только если читается вместе, когда один стих накладывается на другой, сопоставляется с другим. Тогда они начинают звучать во всей своей полноте, а мы начинаем их действительно слышать и понимать. Понимать, например, что за словом «возлюбленный» стоят слова «единственный» или «единородный», как потом будет сказано в Символе веры. Что за словами «о Нем же благоволих» стоит рассказ о жертвоприношении Авраама, а раз говорится о жертве, значит, речь идет о кресте, о крестной жертве.

Искушения Иисуса Христа

После крещения в водах иорданских Спаситель был возведен Духом в пустыню. Об этом рассказывает сначала Евангелие от Матфея, а затем – Евангелие от Луки.

«И, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал» (Мф 4: 2).

Мы знаем, что этот сорокадневный пост Иисуса после крещения лег в нашей Церкви в основу Великого поста, который длится, без Страстной недели, сорок дней. Мы догадываемся, что сорокадневный пост Спасителя в пустыне както связан с сорокадневным постом пророка Илии и сорокалетним странствованием народа Божия по пустыне.

В мистике Ветхого Завета пустыня (מִדְבָּר – *митба́р)* – это место встречи человека с Богом. *Митба́р* – место, где нет ничего, кроме выжженных солнцем камней, где никого не встретишь и ничего не найдешь. Но здесь нас ждет Тот, Кого «не видел никто никогда», как говорится в прологе Евангелия от Иоанна. Бога нельзя увидеть – это одна из главных Его характеристик; и Тот, Кого нельзя увидеть, может быть встречен именно там, где полная пустота.

Пустыня обостряет чувства человека, и прежде всего – чувство жажды. Вспомним псалом: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже! Жаждет ду-

ша моя к Богу крепкому, живому…» (Пс 42: 2–3). Подобно обессилевшей в безводной пустыне лани душа человеческая жаждет Бога. Образ этот будет переходить из псалма в псалом.

Такое понимание пустыни – как места встречи с Богом – характерно для мистики трех религий: иудаизма, христианства и ислама.

Но у Иисуса в пустыне происходит встреча не с Богом, а с сатаной. Почему?

Понятно, что свидетелей не было. Понятно, что евангелисты и первая Церковь, в которой написано Евангелие, знали об этом из уст Самого Иисуса. Если воспользоваться опытом тех издателей Евангелия, которые при печати выделяют слова Иисуса красной краской, то весь рассказ об искушении в пустыне надо бы печатать красным: от начала и до конца это рассказ Самого Иисуса. И не стоит гадать, была ли эта встреча, так сказать, «физической», или перед нами рассказ-притча, в котором Иисус передает Свои внутренние борения, – всё это уходит на второй план. Важно, что поведанное Иисусом обращено к каждому из нас, как всякое евангельское слово. Потому не нужно представлять себе эту встречу, как на картинах и гравюрах XIX–XX веков, где изображаются Спаситель и искушающий Его сатана в красном плаще, похожий на Мефистофеля в исполнении Шаляпина. Лучшая иллюстрация к этому евангельскому тексту – глубочайшая по психологизму картина И. Н. Крамского «Христос в пу-

стыне». Спаситель сидит на камне, и мы видим на Его лице отражение напряженнейшей борьбы мыслей и чувств.

Эта борьба продолжается в людях уже две тысячи лет после Христа.

Что же говорит искуситель Иисусу?

«Если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами» (Мф 4: 3).

Плоские белые камни иудейской пустыни действительно напоминают лепешки. А каждый иудей знает: когда придет Мессия, Он должен устроить пир и всех пригласить на него. Мы все – участники этого пира, ибо этот пир – таинство Евхаристии, литургия… Но апостолы этого еще не знают. Не знают этого и живущие в полуголодной Палестине современники Иисуса, которые ждут Мессию и, помня о мессианском пире, надеются, что Он решит все их экономические проблемы, даст им хлеба. Вот самое простое решение всех вопросов: накорми голодных, и они пойдут за Тобой. Ты всё можешь. Дай им хлеба, и все они станут адептами Твоей веры, религии, которую Ты им предлагаешь. Но Иисус отвергает этот простой и, казалось бы, такой эффективный путь и отвечает сатане словами из Ветхого Завета: *«Он же сказал ему в ответ: написано: “не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих”»* (Мф 4: 4).

Иисус отвергает сатану и зовет нас отвергнуть его.

Второе искушение. Сатана говорит Иисусу: «Если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: “Ангелам Своим запо-

ведает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею"» (Мф 4: 6). Тут искуситель повторяет слова из 90-го псалма, стихи 11-й и 12-й. Христос отвечает ему: *«…написано также: "не искушай Господа Бога твоего"».*

Итак: Ты стоишь на крыше храма, бросься вниз и приземлись невредимым – и все пойдут за Тобой.

Это искушение – одно из самых трудных, свидетельством тому история Церкви. Ибо сенсация всегда поражала и привлекала человека.

Так было, например, с останками святых. В Священном Писании нигде не сказано, что святой после смерти должен оставаться нетленным. Этого не утверждал ни один церковный писатель вплоть до XVII века. Однако позднее начинают акцентировать внимание на этой теме, и под воздействием примера Киево-Печерской лавры, где тела усопших монахов, как известно, действительно остаются нетленными, к концу XIX века почти все российские монастыри оказываются заполненными раками с останками святых – и очень часто это была рака с куклой из папье-маше. Простые люди благоговейно поклонялись этим гробам. Но вот грянула революция. Большевики начали вскрывать гробницы святых; обычно это делалось прилюдно и руками священнослужителей. В результате сами настоятели монастырей с ужасом были вынуждены признать, что в раках покоились куклы.

Конечно, после этого многие отшатнулись от Церкви. Как

можно ходить в храм, говорили они, если верующих пытаются привлечь обманом?! Духовенство XIX века не смогло сказать «нет» второму искушению и тем обрекло себя на позор. Стремясь привлечь людей к вере феноменом нетления, оно оттолкнуло их от веры ложью.

Еще страшнее последнее, третье искушение. Сатана говорит Спасителю, показывая на весь мир: «Всё это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне» (Мф 4: 9).

Речь идет здесь о мирской власти и о «дружбе» Церкви и власти. Конечно, Церкви очень удобно находиться под опекой мирской власти, когда та частично ее финансирует, опекает, оберегает. В России Православная Церковь до 1917 года находилась именно в таком, привилегированном по сравнению с другими религиями положении. Но к чему это привело? К тому, что «инородцы» часто крестились только из карьерных соображений, так как в государственных учреждениях человека не спрашивали, верит он в Бога или нет, а требовали справку о крещении, и если тот ее предоставлял, все ограничения с него снимались, его брали на любую работу, он мог поселиться в любом городе Российской империи. Иудеям, например, не разрешалось жить во многих областях и больших городах России. Справка о крещении (всего лишь справка) снимала все ограничения… Это страшно, потому что приводило к появлению формальных, или, как говорил в IV веке Августин, номинальных христиан, а честных людей, даже верующих, отталкивало от Церкви.

Когда в IV веке при византийском императоре Феодосии Церковь была объявлена государственной, все вчерашние язычники, чтобы не потерять жизненные блага, тут же крестились. Так мученическая Церковь, состоявшая прежде из истинно верующих людей, превратилась в аморфную структуру, вобравшую в себя верующих, полуверующих и вовсе не верующих во Христа, но крестившихся, чтобы иметь определенные льготы или просто не попасть в число диссидентов.

Страшен союз Церкви с мирской властью. Он быстро заполняет храмы людьми, приходящими не по зову сердца, а из корыстных побуждений, и просто конформистами, которые верят (не задумываясь) в то, что рекомендовано властями.

До революции у тех, кто состоял на государственной службе, требовали справку о говении. А сегодня в православных гимназиях у детей спрашивают, в какую церковь ходят их родители, часто ли причащаются, кто их духовный отец и т. д. Всё это к духовной жизни христианина не имеет никакого отношения. Вопрос о том, часто ли ты причащаешься, кто твой духовный отец и из какого ты прихода, может быть задан в очень деликатной форме и только очень близким человеком либо у аналоя, когда на нем лежат Евангелие и крест, то есть на исповеди – и нигде больше! Страшно, когда в документах фигурирует запись о принадлежности к тому или иному вероисповеданию и когда об этом спрашивают в официальном учреждении.

Когда Церковь попадает под опеку государства, ее путь

начинает деформироваться. Вот что писала в 1936 году о феномене обласканности Церкви государством мать Мария (Скобцова): «Церковная жизнь постепенно перерождается по типу любого человеческого установления, Церковь становится ведомством, компрометируется государственными, подчас языческими идеалами. Эта отравленность церковного организма подчас заходит так далеко, что даже церковные иерархи утверждают, например, оправдываемость смертной казни с точки зрения христианства… Принадлежность к Церкви становится обязательной с государственной точки зрения, Церковь широко распространяется, механически включая в свой состав всех служащих, принадлежащих данному государству… Христова истина подменяется бесчисленными правилами, канонами, традициями, внешними обрядами…»[2]

В большинстве стран, освободившихся от тоталитаризма (в Польше, Венгрии, Эстонии, Латвии и Литве), Церковь, будь то Католическая, Лютеранская или Православная, начинает претендовать на роль государственной. И люди от нее тут же отшатываются.

В прошлом веке российская интеллигенция именно в силу своего неприятия государственной идеологии храмы почти не посещала и в сущности вообще была вне Церкви. В церковь ходили в основном простые люди, не читавшие га-

[2] Мать Мария. Воспоминания. Статьи. Очерки. Paris: YMCA-PRESS, 1992. С. 240–241.

зет, Пушкина и Лермонтова, Толстого и Достоевского. Они жили в деревнях, молились Богу, и всё, что делалось за пределами деревни, их не волновало. Эти люди не потеряли веру, ибо Господь спас их, если так можно выразиться, от культуры, от образованности и просто от информированности о том, что происходит вокруг. Они ходили в церковь, любили Бога и чувствовали себя в храме, как дома. Хуже было людям образованным. Они видели, что Церковь стала частью государственного аппарата, своего рода полицейским ведомством в духовной сфере, и, разумеется, не могли принадлежать к такой Церкви. И лишь очень немногие из россиян понимали, что огосударствленность Церкви свидетельствует не против Церкви, а против государства, ее поработившего. То же было в XIX веке и в Европе: ничтожно мало французов, итальянцев, немцев и т. д. посещали католические храмы и лютеранские кирхи. В церковь и там ходили либо простые люди, либо те очень немногие интеллигенты, которые смогли увидеть в религии не рутину, а присутствие Божие.

Религиозность образованного человека в прошлом веке реализовывалась вне Церкви, в форме нецерковного мистицизма и романтического порыва к Богу.

В Европе отношение к Церкви стало меняться давно, там появились истинно верующие, прежде всего – среди людей искусства. У нас же этот процесс только начинается. В начале века интеллигенция пошла было в Церковь; Н. А. Бердяев, В. С. Соловьёв и другие увидели и сумели сказать своим

читателям, что та земная Церковь, которая устами священников доносит на прихожан, выдает справки о говении и делит людей на «белых» и «черных», православных и иноверцев, – это не Церковь Христова, которую врата адовы не одолеют, что в истинной Церкви нас ждут не те или иные установления, а Сам Христос, что вся эта государственная мертвенность не касается таинства Евхаристии. Люди начали тогда понимать это. Но грянула революция…

Сегодня интеллигенция возвращается в Церковь. Поэтому особенно страшно, что красно-коричневые силы всё время пытаются «приватизировать» православие, превратить его в свое оружие. Нестерпимо больно порой читать в «православной» прессе, что Россия должна быть государством для русских, а православие – государственной религией; что в каждом полку вместо политрука должен быть батюшка, и лучше, если батюшками станут бывшие политруки, т. к. у них есть опыт работы с солдатами… Всё это, разумеется, отталкивает неверующих от Церкви (хотя на самом деле нет людей неверующих – есть *пока не верующие, или еще не верующие).* Об этом нужно серьезно задуматься. Нужно помнить ответ Иисуса на третье искушение: *«отойди от Меня, сатана; ибо написано: "Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи"».*

Не случайно рассказ об искушениях Иисуса приведен в самом начале Евангелия. Даже те, кто не дойдет до Нагорной проповеди, успеют в течение первого часа знакомства с

евангельским текстом прочитать эту удивительную повесть, в которой значимо каждое слово.

И не случайно все три ответа взяты Иисусом из Ветхого Завета, из 4-й главы Второзакония – книги, где в Библии впервые говорится о любви Бога к нам.

Нам кажется, что любовь Божия – это что-то само собой разумеющееся. Вроде бы каждый ребенок из христианской семьи с раннего детства знает, что это такое. Но не случайно в Библии речь о любви Божией заходит не на первых страницах, а только в конце Пятикнижия. Сразу, без опыта молитвы и духовной жизни понять, что такое Его любовь, невозможно.

Возвращаясь к ответам Спасителя сатане, остановимся на двух понятиях: «сердце» и «любовь». Без сердца нет веры, нет христианства. И без любви нет христианства, нет православия. Эти два понятия – поиски Бога сердцем и Божия любовь к нам – появляются лишь в пятой, последней книге Закона. Именно из этой книги Иисус берет ответы на вопросы искусителя. В сущности, во всех трех случаях Он дает один ответ – сердце горящее, наполненное любовью.

Несколько иначе, чем в Евангелии от Матфея, рассказано об искушении Иисуса диаволом в Евангелии от Луки. В нем изменен порядок искушений. Вначале речь идет о камне, который сатана предлагает превратить в хлеб, затем он искушает Иисуса властью и, наконец, предлагает Ему спрыгнуть с крыши Храма в Иерусалиме. Дело в том, что вообще в

Евангелии от Луки действие происходит не просто в Иерусалиме, а в Храме, который играет в повествовании огромную роль. Здесь второе искушение Иисуса перенесено на третье место именно для того, чтобы закончить рассказ в Храме.

В Евангелии от Марка, несмотря на предельную краткость этого даже не рассказа, а упоминания об искушениях в пустыне, есть один штрих – об Иисусе говорится: «и был со зверями» (Мк 1: 13). Как истолковать это замечание? Для этого надо открыть Ветхий Завет, пророчество Исайи, там, где пророк говорит о Мессии, о том времени, когда придет Он в мир:

«Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи» (Ис 11: 6–8).

Картина, нарисованная в пророчестве Исайи, и имеется в виду в Евангелии от Марка.

Это место из Исайи глубочайшим образом поразило греческих и римских писателей. Именно об этом написана, например, 4-я эклога Вергилия. Мало кто прошел мимо этой картины гармонии, которая наступит с приходом Мессии; гармонии, которая распространится не только на разумную часть творения, человечество, но и на природу.

Из опыта святых мы знаем, что, когда Бог входит в жизнь человека, дикие животные становятся подле него ручными. Мы знаем о медведе, который приходил к преподобному Сергию, о льве, посещавшем преподобного Герасима, о волке, усмиренном святым Франциском, – это свидетельства, пришедшие из русской глубинки (в первом примере), с Востока (во втором), из Европы (в третьем). Дикая природа животных отступила перед тем светом Христа, который исходил от святых.

…Кончились сорок дней поста. Иисус ответил на три искусительных вопроса сатаны, по-человечески вырос, укрепился. Вот ответ на вопрос о важности поста для нас. Пост должен нас не ослаблять, а укреплять. И если после Великого поста мы приходим к Пасхе ослабленными, значит, мы что-то делаем не так. Пост – всегда искушение, но он должен в конце концов нас укрепить, это евангельский критерий истинного поста. Ибо пост – это не диета, а школа жизни во Христе.

Вернувшись к людям, Иисус поселяется в Капернауме, в Галилее, и начинает Свою проповедь среди язычников. Он начинает ее словами: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф 4: 17). До Него именно этим призывом – «покайтесь» – начал свою проповедь Предтеча; и теперь это слово становится первым и, может быть, главным в проповеди Иисуса.

Что такое покаяние? Мы часто не в силах ответить на этот

вопрос. Для нас покаяться – значит признать свои грехи. Мы приходим на исповедь, чтобы рассказать священнику о себе что-то плохое. Но проходит две-три недели, и мы снова вынуждены рассказывать ему о том же самом. Значит, покаяние наше не состоялось.

Действительно, в современном русском языке слово «покаяние» не несет большой эмоционально-смысловой нагрузки. А в иврите слово תשובה *(тшу́ва)* означает «поворот», от глагола שוב *(шув)* – «поворачивать». Это соответствует славянскому «обратиться», т. е. остановиться на дороге, по которой шли от Бога, повернуться и пойти к Богу. Это и есть покаяние. К этому призывает Иисус. Он не говорит: посыпьте голову пеплом, разорвите свои одежды, расскажите, какие вы плохие. Спаситель говорит: остановитесь и повернитесь. Вы шли от Бога – теперь идите к Богу. Когда мы приходим к таинству исповеди – вот оно, наше покаяние, наша остановка. После этой остановки очень важно идти к Богу. Мне кажется, что в этом контексте лучше употреблять слово «обращение», тем более, что оно есть в нашей традиции, в славянском языке. Это очень выразительное слово – «обратиться» – значит, повернуть туда, куда нас зовет Отец.

Иисус говорит нам: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное». Очень важно здесь слово «приблизилось». Оно напоминает нам о молитве «Отче наш», где мы говорим: «да приидет Царствие Твое…» Если Царство приблизилось, значит, оно уже есть. Словами «приблизилось Цар-

ство Небесное» Господь говорит нам, что оно уже наступило. Не Спаситель, не евангелисты и не христиане придумали такое выражение – מלכות יהוה *(Ме́лкут Яхве)* – Царство Божие. Оно было знакомо всем современникам Иисуса из их ветхозаветной религии. Для иудея Царство Небесное (слово «Небесное» заменяет здесь слово «Божие», чтобы не употреблять лишний раз имя Всевышнего) – это далекое будущее человечества, а для нас – сегодняшний день. И наша задача – увидеть его, понять, что оно приблизилось и уже среди нас.

В Евангелии от Луки Спаситель говорит: «Не придет Царствие Божие приметным образом… Ибо вот, Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк 17: 20–21).

Действительно, внутри нас всех, внутри Церкви есть Царство Божие. «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них», – говорит Господь в Евангелии от Матфея (18: 20).

Как говорит мать Тереза из Калькутты, Бог, Царство Небесное проявляется в том, как мы относимся друг к другу. Это Царство уже есть и имеет своих граждан: преподобных Серафима, Николая, Сергия, Александра Невского и других святых. Не случайно же во время Литургии, совершая таинство Евхаристии, мы читаем молитву:

«Достойно и праведно Тя пети[3], Тя благословити, Тя хвалити, Тя благодарити, Тебе поклонятися на всяком месте

[3] Воспевать.

владычества Твоего: Ты бо еси[4] Бог неизречен, недоведом, невидим, непостижим, присно сый, такожде сый[5], Ты, и Единородный Сын, и Дух Твой Святый; Ты от небытия в бытие нас привел еси, и отпадшия возставил еси паки[6], и не отступил еси вся творя, дондеже[7] нас на небо возвел еси, и Царство Твое даровал еси будущее…»

То Царство, которое Господь даровал нам, становится реальным Царством. Для иудея Ветхого Завета оно – в будущем. А нам оно даровано уже теперь.

В средние века бытовала точка зрения, имевшая социальную подоплеку, – кому плохо живется на земле, будет хорошо на небе. Это действительно как-то утешало людей. Но к проповеди Спасителя это не имеет никакого отношения. В Царство Небесное мы входим уже здесь, на земле. Там просто станет ясно, кто просияет сразу, а кто будет ждать, пока святые отмолят его грехи. Наша задача заключается в том, чтобы войти в Царство самим и ввести в него других уже теперь, не после смерти, а при жизни.

«Царство Божие – внутри нас» (Лк 17: 21). Именно так это звучит в переводе на французский и английский языки, так и в русском переводе под редакцией епископа Кассиана – «внутри нас». Это очень важное место, меняющее все акцен-

---

[4] Ибо Ты.

[5] Всегда сущий, неизменный.

[6] После нашего падения вновь поднял нас.

[7] Пока.

ты, во многом изменяющее наше понимание Благой Вести.

Но что происходит с Царством, которое уже проповедуется, которое среди нас? Иоанн Креститель арестован и обезглавлен, а Спаситель по поводу его судьбы говорит: «От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф 11: 12).

Слова «Царство Небесное силою берется» и вся фраза до конца – одно из темных мест Евангелия. Обычно это толкуется таким образом: чтобы войти в Царство Небесное, нужны усилия. Отечественные толкователи говорят, например, что для этого нужно изучать Священное Писание, в совершенстве овладев славянским языком. Но трудно представить себе, как человек, от зари до зари работающий в поле или на заводе, может овладеть славянским языком. Конечно, это не представляет особого труда, например, для московской интеллигенции. Но Церковь создана Господом не только для нее, она создана для всех и каждого, и все в ней равны. Поэтому призыв «изучайте – тогда поймете» представляется спорным.

В греческом тексте 11-го стиха употреблен глагол βιάζω – «подвергать насилию». Значит, речь здесь идет о том, что Царство Небесное подвергается насилию. Это касается судьбы не только Иоанна Крестителя, но и всех тех христиан, которые позже будут схвачены, замучены, казнены. Это значит, что Царство Небесное подвергается насилию со стороны се-

кулярного, враждебного Богу мира.

Так что здесь Христос говорит нам совсем не о том, что мы должны предпринимать усилия, чтобы войти в Царство Небесное. Здесь речь о другом: Царство Божие, как только оно становится сколько-нибудь видимым для людей, тут же становится объектом атаки и насилия. Примеров тому множество. И главный пример – Крест, на котором был распят Христос. Еще – мученики, от Иоанна Предтечи до сегодняшних. Причем мученики – это не только те, кто был насильственным путем лишен жизни. Преподобный Серафим Саровский, удивительно передающий нам свет Христов, духоносный, замечательный святой, которого мы так любим, тоже был своего рода мучеником. Ведь всю жизнь его преследовали церковные власти.

Вообще царская Россия вовсе не была страной благостно-христианской, и XIX век совсем не был золотым веком православия, как это любят сейчас изображать. Это было безбожное государство, быть может, одно из самых безбожных на земле. Причем именно по той причине, что оно не выдержало третьего искушения и пошло по пути государственного православия, грубейшей подмены религии духа и сердца религией внешних форм, парадного и показного благочестия.

Страшно, что при царской власти в здании Двенадцати коллегий (министерств) в Санкт-Петербурге было место и для ведомства по делам религий, причем появилось оно, в

сущности, уже в допетровские времена, приблизительно в середине XV века. Огосударствление Церкви привело к тому, что к концу XIX века в России стало стыдно быть православным человеком. Та самая Церковь, к которой принадлежали Серафим Саровский и Тихон Задонский, управлялась чиновниками в генеральских мундирах.

Обо всём этом сказано в Евангелии. И чем ярче Царство Небесное проявляет себя, тем более дерзко действуют грабители. Это один из основных моментов в истории христианства.

Когда-то один из епископов на вопрос иностранного журналиста, гонима ли Церковь в Советском Союзе, ответил, что Церковь всегда гонима. И это действительно так, такова природа Церкви. Если ее не гонят «физически», то это делается в какой-то изощренной форме, что еще хуже.

Говоря о том, что Царство Небесное уже здесь, Иисус призывает нас. Первое, что Он делает, – собирает учеников. Он видит Симона и Андрея, закидывающих сеть, и говорит им: «Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Мф 4: 19). Если перевести дословно, то получится: «Вы будете рыболовами человеков».

Начиная с XVIII века, это выражение – «ловцы человеков» – очень полюбили атеисты. Они говорили, что церковники – ловцы, заманивающие людей в свои сети. Газета «Правда» и другие подобные издания постоянно использовали этот «фразеологизм», видя в нем какой-то негативный

оттенок. Но на языке евангельском это нечто совсем другое.

В Библии вода всегда символизирует смерть. Вспомним псалом: «Из глубины взываю к Тебе, Господи. Господи! услыши голос мой. Да будут уши Твои внимательны к голосу молений моих» (Пс 129: 1–2).

Из какой глубины взывает молящийся? Из глубины вод, топящих его. В другом псалме говорится: «Если бы не Господь был с нами… воды потопили бы нас» (Пс 123: 1, 4).

Человечество эпохи заката греческой культуры на рубеже нашей эры жило, раздираемое чудовищным страхом перед смертью. Такого страха человечество еще не знало. Гомеровские герои тоже боялись смерти, но во времена греческого полиса этот страх прошел. Греки очень любили свои полисы и поэтому думали: я умру, но полис останется. Потом, когда полисная система стала распадаться, страх перед смертью вновь стал возвращаться к людям. К тому времени, когда Иисус начал Свою проповедь, этот страх достиг апогея и буквально парализовал жизнь античного общества.

Мы, конечно, не в такой степени христиане, чтобы не бояться смерти. Но часто за страх перед смертью мы принимаем боязнь смерти наших близких. Этот страх имеет другую природу и никакого отношения к страху смерти не имеет, это просто боль за наших близких. Страх смерти преодолевается, когда не боишься собственной смерти. Своей проповедью Христос дал людям нечто такое, что они перестали бояться смерти, Он вытащил их из пучины вод, символизи-

рующих смерть, избавил от страха, спас. Вот почему Он делает апостолов именно ловцами человеков, которые, подобно рыболовам, вытаскивающим рыбу из воды, вытаскивают нас из пучины страха перед смертью.

Платон сказал однажды, что мы, люди, те впадины Земли, в которых живем, принимаем за Землю, а воздух – за небо. Если бы мы вдруг увидели подлинную Землю и подлинное небо, мы в них ничего не поняли бы, как ничего не понимает рыба, вытащенная из воды. Отталкиваясь от этого платоновского образа, можно сказать, что в христианстве человек действительно начинает чувствовать подлинность жизни. В первый момент у него наступает шок, как у вытащенной из воды рыбы. Опыт показывает, что люди, открывшие для себя Бога, несколько месяцев, а то и год-полтора живут в каком-то необычном состоянии, не понимая, что с ними происходит, что произошло с миром, – они увидели его совершенно новыми глазами. Господь Своими руками, руками Своих апостолов вытаскивает человека из пучины прежней жизни, открывая ему новую действительность, сначала этому человеку абсолютно непонятную, пугающую, ввергающую его в растерянность. Но со временем всё встает на свои места. Таков путь к Богу.

Начало проповеди

Крестившись, Иисус начинает Свою проповедь. Она, собственно, и составляет содержание Евангелия. Всё остальное занимает сравнительно небольшое место. Хотя и проповедь в Евангелии – не самое важное, потому что самое важное в нем – Сам Христос.

Встреча с Ним происходит в жизни каждого из нас. И никогда нельзя сказать, в какой именно момент это может случиться, на какой из страниц Евангелие перестанет быть для нас книгой и станет ключом к живому диалогу со Христом. Заранее предсказать это невозможно. Поэтому каждый должен научиться читать Евангелие самостоятельно и ни в коем случае не подменять чтение Евангелия чтением толкований. Толкование может только навести на какую-то методу, на какой-то способ, который нам подходит; оно поможет понять, но не заменит Слова Божиего. Через толкования встречи со Христом не произойдет. Это важно понять, потому что человек конца двадцатого века склонен к такого рода подменам. Наша задача – научиться тому, что в средние века называли *lectio divina* – «божественное чтение», включающее в себя молитвенное осмысление текста и размышление над ним, из чего вырастает наша собственная к Богу обращенная молитва.

В ежедневной практике чтения Евангелия очень важно

идти именно этим путем, чтобы из евангельского текста вырастала наша личная молитва, чтобы научиться говорить со Христом.

Нужно уметь вглядываться в два-три, пусть несовершенных, перевода, которые есть под руками. Даже сопоставление славянского текста с Синодальным переводом дает очень много – при том, что каждый из переводов сам по себе может оказаться для читателя не так уж и ценен: Синодальный страдает множеством недочетов, славянский просто устарел. И тем не менее при сличении их многие трудные места проясняются.

…Крестившись, Иисус приходит в Свой город, в Назарет. В субботний день в синагоге Ему подают свиток – книгу пророка Исайи. Развернув, Он начинает читать: «…“Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное”. И, закрыв книгу и отдав служителю, сел; и глаза всех в синагоге были устремлены на Него. И Он начал говорить им: ныне исполнилось писание сие, слышанное вами» (Лк 4: 18–21).

Здесь перед нами описание субботнего богослужения в синагоге, в высшей степени напоминающее то, что происходит каждый воскресный день в любом православном храме. Иисус читает Слово Божие, затем отдает свиток служителю,

который его уносит, и начинает проповедь на тему только что прочитанного текста: «Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами». Здесь опять связь между Ветхим и Новым Заветами – не только на уровне текста, но и в плане богослужения. Наше новозаветное богослужение выросло из ветхозаветного.

Итак, «Дух Господень на Мне, ибо Он помазал Меня», т. е. сделал Меня Христом, чтобы возвещать Благую Весть нищим. Благая Весть – Евангелие, возвещаемое нищим. «Блаженны нищие…», начало Нагорной проповеди, – оно отсюда, из того места 61-й главы книги пророка Исайи, что было прочитано в субботний день в синагоге Назарета. Именно в этот момент, прочитав это место, Иисус в первый раз обратился к людям с тем, из чего потом вырастет Нагорная проповедь.

Заметим в качестве предварительного наблюдения: в Новом Завете присутствуют как минимум три варианта Нагорной проповеди. Первый – в 4-й главе Евангелия от Луки, второй – там же, глава 6-я, начиная с 20-го стиха, наконец, третий – в Евангелии от Матфея, глава 5-я. Поэтому, чтобы полнее понять Нагорную проповедь, мы должны сличить эти три ее варианта. Только сделав это, можно услышать, *что* говорит нам Христос; если не попытаться сопоставить их, получится в высшей степени поверхностное чтение, духовно неполезное и полное подмен – когда мы вкладываем *свои* мысли в евангельские слова и таким образом подменяем ими

то, что говорит нам Христос. Получается демонстрация своего «я» на фоне Евангелия, а не духовное чтение. Вот еще одно объяснение того, почему Евангелие в Новом Завете доведено до нас не один, а четыре раза, почему Новый Завет включает в себя благовествования от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, а не какое- то одно синтетическое повествование.

«Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим…» Христос – *Машиах,* что на иврите значит «помазанник», призванный «благовествовать нищим». Отсюда слова «блаженны нищие» в первом варианте Нагорной проповеди. «И послал Меня исцелять сокрушенных сердцем…» Здесь вспоминается 50-й псалом, стих 19-й: «Сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» и другие стихи.

«И послал Меня исцелять…» Иисуса посылает Бог, а Иисус посылает учеников, апостолов. Слово «апостол» и означает «посланный». На иврите это שָׁלִיחַ *(шали́я),* во множественном числе – *шелюхи́м.* В Ветхом Завете это слово обычно применяется к пророкам Илие и Елисею. Задумайтесь, и вы поймете, что служение этих двух пророков отличается от служения остальных (насколько мы можем судить, исходя из библейских текстов). Те, другие, были посланы, чтобы возвещать. А Илия и Елисей не только возвещают, но и исцеляют и воскрешают. Причем кого? Кто такая вдова из Сарепты Сидонской, у которой Илия воскрешает сына? Кто такой Нееман, которого Елисей исцеляет от проказы? Язы-

ники. Они язычники и поэтому в большей степени открыты Богу, чем люди Писания, иудеи. Парадоксально, что иудеям Бог явился через Моисея в купине, дал заповеди, Закон, открыл Себя; а язычникам Он не являлся, но именно они, язычники, оказываются более восприимчивыми к тому, *что* Он делает среди людей, с людьми. Почему?

Потому что в их языческом сознании еще не сложился образ Бога, которым они подменили бы Бога Живого. В сознании же иудея ко времени Илии-пророка такой образ уже сложился. Поэтому, когда происходит что-то, не соответствующее его представлениям о Боге, иудей просто не воспринимает происходящего. Бог творит чудеса, а человек их творить не может – для иудеев это аксиома, поэтому они отвергают чудеса, которые Бог творит руками Илии и Елисея. В их сознании застыло: чудотворец только один – Бог. Без сомнения, это так, но того, что Бог может творить чудеса руками людей, они уже принять не могут, потому что формула «чудотворец один только Бог» заслоняет от них действия Бога, становится в их сознании ложным богом, закрывает от них реальность. Посылка «Никто не может творить чудеса и прощать грехи, кроме Бога» – верная. Но она приводит к неверным выводам, когда превращается в окаменелый, застывший образ, а в результате отрывает человека от Бога.

Язычник же в силу своей непросвещенности ничего не знает об этих образах Бога и поэтому воспринимает Его действия со всей дикарской наивностью и простотой. В этом

смысле он находится в выигрышном положении.

Сегодняшний язычник тоже зачастую находится в лучшем положении, нежели православный человек, потому что его религиозное сознание не сковано застывшими образами, его не пугает то, что может испугать человека, привыкшего к тому или иному способу богообщения. Например, существовавшая в средние века практика чтения Евангелия лицом к народу была вытеснена чтением лицом к алтарю. Когда на Западе литургический язык, латынь, стал непонятен тем, кто говорил по-французски, по-итальянски и тем более по-немецки, и когда у нас, на Востоке, славянский язык стал непонятен простым людям, стоящим в храме, тогда казалось, что, действительно, читать Слово Божие лицом к людям, которые в это время зевают, а то и дремлют, – кощунство. Священнослужители повернулись лицом к алтарю. Сегодня чтение Евангелия лицом к народу кем-то воспринимается как кощунство, как вызов основам православия, хотя, конечно, никакого вызова в этом нет – наоборот, это возврат к подлинной, освященной столетиями традиции.

Понятно, почему на Западе появилась практика причащения мирян только Телом Христовым, без Святой Крови – по неосторожности прихожане могли опрокинуть Чашу. Мы тоже предупреждаем причащающихся, чтобы, подходя к Чаше, они не крестились и не делали резких движений, чтобы избытком почтения к Святым Дарам не совершить этого смертного греха. Однако призывы к осторожности дове-

ли дело до того, что люди стали причащаться крайне редко, чуть ли не раз в год, а то и раз в несколько лет, как было в последний период средневековья, когда многие верующие причащались лишь раз в жизни – перед смертью. В прошлом веке священники стали рекомендовать причащаться каждый пост, четыре раза в год, и это казалось невероятным – зачем так часто? Но ведь древняя Церковь утверждала, что если человек участвует в Литургии, он не может не причаститься, как не может не причаститься священник, совершающий Литургию.

Существует практика, согласно которой диаконы после произнесения ектеньи не участвуют в совершении таинства. Но большинством архиереев это осуждается. То же и мирянин: если он участвует в Литургии и не причащается – это грустно. Но происходит это оттого, что миряне стали приходить в храм неподготовленными, оторвались от церковной жизни, противопоставили себя Церкви. Поэтому и пришлось духовенству возводить плотину между мирянами и Евхаристией. Один вид плотины – на Западе: мирян перестали причащать Святой Кровью, другой – на Востоке: мирян причащают крайне редко или не причащают вообще.

По той же причине был ограничен круг обязанностей диаконов. Диаконское служение для того именно и установлено, чтобы служить Святым Тайнам. Священник, завершив Литургию, может совершать другие таинства. А диакон запасными Дарами причащает больных, детей, посещая дома

и больницы. Так было раньше, но ввиду недобросовестного отношения диаконов к своему служению это было запрещено Восточной Церковью (но сохранилось на Западе).

Важно понять, что все эти запреты – ритуальные, носят временный характер и введены в силу печального состояния церковной жизни, в силу неблагочестия как мирян, так и священнослужителей. Это относится и к чтению Евангелия лицом к алтарю. Понятно, что читать Евангелие людям, не понимающим ни слова в языке, на котором идет служба, стоя лицом к ним, а не к престолу, кощунственно. Но когда молящиеся все понимают, – совершенная нелепость читать Слово Божие, стоя к ним спиной. Это разрушает приход. Тем не менее, повторю, чтение Евангелия лицом к людям воспринимается как скандал. Подобно тому, как застывший образ Бога препятствовал благочестивому иудею увидеть в чудесах Илии-пророка чудеса, творимые Богом руками Илии, изменение каких-то внешних форм нашей церковной жизни вводит в смущение благочестивых, добрых и чистых людей. Ведь и иудеи, считавшие, что Илия-пророк кощунствует, тоже были добропорядочными, очень верующими и богобоязненными. Но образ Бога, сложившийся в их сознании, закрыл от них Бога Живого.

Наш опыт вчитывания в Священное Писание должен помочь нам научиться видеть Бога Живого, вступать в диалог с Ним, прорываясь через застывшие в нашем сознании Его образы. А таковые поджидают нас повсюду. Чтобы об-

раз застыл, не нужно веков, десятилетий, достаточно одного дня. Поэтому к живому евангельскому тексту нужно подходить в высшей степени целомудренно и трепетно, помня, что это текст особый, помня, что, как говорит евангелист Лука, «много вдов было в Израиле», но ни к одной из них не был послан пророк Илия, «а только ко вдове в Сарепту Сидонскую» (4: 25–26). Потому что те вдовы жили с неким застывшим образом Бога, в отличие от вдовы из Сарепты Сидонской. «Много также было прокаженных в Израиле при пророке Елисее, – подчеркивает далее апостол, – и ни один из них не очистился, кроме Неемана Сириянина» (4: 27). Каждое слово здесь подобно пощечине. Понятно, почему, услышав это, все в синагоге исполнились ярости. Потому что, действительно, для присутствовавших в синагоге сказанное было оскорбительно. Много прокаженных в Израиле, а послан был Елисей к этому грязному язычнику Нееману. Этот грязный язычник оказался ближе к Богу: его сознание не было отягощено окаменелыми образами.

Нагорная проповедь

Нищие духом, смиренные сердцем

Нет, наверное, ни одного (или почти ни одного) человека ни в России, ни вообще на белом свете, который бы не знал слов: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Без сомнения, это самый известный евангельский стих. И вместе с тем, именно он труднее всего поддается истолкованию. Объясняется это прежде всего тем, что мы обычно берем какой-нибудь стих из Священного Писания и толкуем его, вырвав из контекста всей остальной Библии, в результате чего он часто выглядит непонятным. Но если читать этот стих в контексте даже не всей Библии, а только Нагорной проповеди, то он окажется уже не таким трудным для понимания, как при первом чтении.

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф 5: 3). В первый раз Иисус произносит что-то похожее на слова Нагорной проповеди в Назарете, когда обращается к людям в субботний день в синагоге со словами из книги пророка Исайи: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим». Свою Благую Весть Иисус адресует не каким-то особым нищим, как мы любим подчеркивать, толкуя этот стих, а просто нищим: «благовествовать

нищим» – вот Его задача. Во втором варианте Нагорной проповеди, который мы встречаем в Евангелии от Луки, Он говорит о том же: «Блаженны нищие, ибо ваше есть Царствие Божие» (6: 20).

Правда, в поздних рукописях Евангелия от Луки (VIII–X века), появившихся в Константинополе, подставлено слово «духом»; получается – «нищие духом», видимо, для того, чтобы не смущать благочестивого и простодушного читателя: раз у Матфея «блаженны нищие духом», то и у Луки должно быть так же. Поэтому в Синодальном переводе в Евангелии от Луки читаем: «блаженны нищие духом…»

В следующем стихе Евангелия от Луки говорится: «Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь», а в Евангелии от Матфея – «Блаженны алчущие и жаждущие правды; ибо они насытятся». Это значит, что в Евангелии от Луки имеются в виду просто голодные, а в Евангелии от Матфея – голодные каким-то особым, мистическим образом, те, кто алчет и жаждет правды, справедливости. Мы уже говорили, что евангельское слово δικαιοσύνη означает «справедливость». Таким образом, можно сказать, что и здесь речь идет о «нищих духом». В Евангелии от Матфея Господь в Нагорной проповеди толкует нищету каким-то не совсем обычным образом. Попытаемся понять это толкование.

В Библии слово «нищий» занимает особое место. Вспомним псалом, который поется в конце вечерни во время торжественных всенощных бдений: «Благословлю Господа на

всякое время, выну[8] хвала Его во устех моих. О Господе похвалится душа моя, да услышат кротции, и возвеселятся. Возвеличите Господа со мною, и вознесем имя Его вкупе… Сей нищий воззва, и Господь услыша и, и от всех скорбей его спасе и. Ополчится ангел Господень окрест боящихся Его, и избавит их. Вкусите и видите, яко благ Господь: блажен муж, иже уповает на Него. Бойтеся Господа, вси святии Его, яко несть лишения боящимся Его. Богатые обнищаша и взалкаша: взыскующии же Господа не лишатся всякого блага» (Пс 33: 3—11).

Так вот, нищий воззвал, и Господь услышал его. *Нищий – это тот, кто взывает* и кого Господь слышит. Богатые нищают и алчут, а взыскующие Господа – вот эти самые нищие – не лишаются ни одного из благ.

Можно привести и другие места из Священного Писания, из которых становится ясно, что нищий – это человек, у которого ничего нет и вся надежда которого только на Бога. Эта тема занимает в Писании огромное место. Можно, например, сослаться на 145-й псалом, который поется в начале Литургии: «Не надейтеся на князи, на сыны человеческие, в них же нет спасения. Изыдет дух его, и возвратится в землю свою: в тот день погибнут все помышления его. Блажен, ему же Бог Иаковль помощник его…» (Пс 145: 3).

Значит, не следует надеяться на князей, а блажен, как в Нагорной проповеди, тот, помощник у которого – Бог Иа-

[8] Всегда.

кова. Здесь речь идет опять-таки о полной надежде на Бога, о том, что всецело уповающий на Бога может называться блаженным. Отсюда понятно, что слово «нищета» имеет не только прямой, житейский, но и какой-то другой смысл. Точно так же слово «голод» и особенно слово «жажда» имеют смысл переносный, символический. Вспомним: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!» (Пс 41: 1–2). Жажда лани, которая рвется к источникам водным, уподобляется жажде человека, который ожидает и иной раз не может дождаться Бога. Нищета, окружающая нас, уподобляется какой-то другой нищете, о которой говорит Господь в Нагорной проповеди. Жажда духовная похожа на жажду физическую; и наше упование на Бога в обыденной жизни похоже, наверное, на то упование, о котором говорит Господь в Нагорной проповеди.

Если сравнить разные переводы Библии на французский язык, то, наверное, в десяти из них словосочетание «нищие духом» будет передано по-разному; в переводах же на английский язык всегда сохраняется точный вариант: «нищие духом». Переводчики не пытаются истолковать это выражение, они просто сохраняют его в точном и не совсем понятном виде, как оно дано по-арамейски, по-гречески, на латыни, на русском и славянском языках. Но всё же есть какие-то способы проникнуть в смысл этого выражения. Как известно, в поэтических книгах Писания часто встречаются повторы: одна и та же мысль передается разными словами. Таким

образом, в одной главе можно найти синонимические выражения, как, например, в начале известного псалма: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои. Многократно омой меня от беззакония моего, и от греха моего очисти меня… Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня…» (Пс 50: 3, 4, 12).

Итак, «помилуй» и «изгладь беззакония мои», «омой… от беззакония» и «от греха моего очисти», «сердце чистое» и «дух правый» – почти синонимические выражения. Из этого и других примеров можно понять, что «сердце» и «дух» в поэтических книгах Библии – взаимозаменяемые слова. В Евангелии от Матфея Господь говорит: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя, и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф 11: 28–29).

«Смиренный сердцем» и «нищий духом» – тоже почти синонимы. Что значит «смиренный»? Это трудное слово – наверное, не менее трудное, чем слово «нищий» в библейском понимании. Ведь мы часто толкуем слово «смиренный» как «покорный», «бессмысленно всему подчиняющийся». Но опыт Церкви показывает, что это не совсем верно. Животные часто бывают покорными, но это не значит, что они смиренные. У аввы Дорофея есть такая фраза: «Никто не может выразить словами, что такое смирение и как оно рождается в душе, если не узнает этого из опыта». Тем не менее,

митрополит Антоний Блум, человек, без сомнения, мудрый и глубоко укорененный в восточно-христианской традиции, попытался выразить это словами. Он говорит, что не случайно слово «смиренный» (в латинском языке *humilis)* связано со словом *humus* – «земля, верхний плодородный ее слой», потому что, действительно, земля ниже всего, ее все топчут ногами, но в нее падает семя, согревается ею и дает плод.

Таким образом, *humus* – это не просто земля, это плодородная земля, из которой вырастает плод, а плодоношение – один из важнейших моментов в жизни христианина. Тот, кто приносит плод в терпении, говорится в притче о сеятеле из Евангелия от Луки, – тот христианин. Так вот, смирение – это что-то связанное с духовным плодоношением: смиренный – тот человек, чье сердце готово приносить плод в кротости. Теперь становится понятнее, о каком смирении идет речь. «Смиренный сердцем» или «смиренный, нищий духом» – это человек, готовый к духовному плодоношению, к тому, чтобы трудиться вместе со Христом.

Чтобы войти в Царство

Но у стиха о нищих духом есть и вторая часть: «ибо их есть Царство Небесное». Это выражение встречается еще раз в Евангелии от Матфея, когда Иисус говорит: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне; ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф 19: 14).

Царство Небесное – таких, как дети, которые закрыты ко лжи, ко злу, к злопамятности; таких, которые простодушны, как дети, и даже, может быть, глупы, как дети. Значит, «нищий духом» – как ребенок; вот еще один оттенок этого выражения. Не случайно во 2-й главе Евангелия от Матфея ключевое слово – «дитя», «ребенок», «младенец». И не случайно Христос входит в жизнь человечества как Младенец на руках Своей Матери. Не менее десяти раз повторено слово «младенец» в этой главе, оно здесь действительно ключевое. Господь являет Себя как Младенца и нас зовет попытаться стать подобными младенцам.

В том же Евангелии от Матфея, где Господь говорит, что Он Сам кроток и смирен сердцем, содержится молитва: «Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам» (Мф 11: 25). «Младенцам» – это в Синодальном переводе, по-гречески же там употреблено существительное νήπιον, которое правильнее перевести не словом «младенец», а скорее «дурачок», «глупый», «простодушный, как младенец». И Господь открыт людям, простодушным той простотой, что сопоставима с простодушием маленького ребенка.

О детях Христос говорит и в 18-й главе Евангелия от Матфея: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф 18: 3).

Чтобы войти в Царство Небесное – а для кого оно? для нищих духом! – надо обратиться (мы уже говорили о значе-

нии слова תשובה *(тшува):* «обращение», «покаяние», «поворот») и сделаться – не быть, а именно *стать* – как младенец, как ребенок, повернув с дороги от Бога на дорогу к Богу. Надо почувствовать, что сердце, которое бьется в моей груди, похоже на сердце ребенка, что в нем живет простодушие ребенка.

Среди псалмов есть один, который довольно плохо был понят переводчиками на греческий язык, авторами Септуагинты, и даже таким ученым и тонким переводчиком, каким был блаженный Иероним, переведший Библию, и в частности псалмы, на латинский язык. Поэтому 130-й псалом не сразу вошел в церковную традицию: вплоть до появления новых переводов Ветхого Завета, сделанных с иврита, Церковь проходила мимо него. Но в этом псалме говорится как раз о том, о чем у нас сегодня и идет речь. «Господи! не надмевалось сердце мое, и не возносились очи мои, и я не входил в великое и для меня недосягаемое. Не смирял ли я и не успокаивал ли души моей, как дитяти, отнятого от груди матери? душа моя была во мне, как дитя, отнятое от груди. Да уповает Израиль на Господа отныне и вовек».

Как дитя, недавно отнятое от материнской груди, и должно быть сердце человека, который верует в Бога. Так возникает в Нагорной проповеди тема духовной детскости. Что же это такое? Мне кажется, правы те, кто выделяют в духовной детскости три основных момента. Во-первых, маленькие дети всё воспринимают как чудо, мир для них всегда удивите-

лен и прекрасен. Во- вторых, дети быстро прощают и не держат злобы, они доверчивы, и почти всегда люди кажутся им близкими, «своими». Пока мы с вами делим людей на «своих» и «чужих», мы не христиане, потому что для христианина чужих и посторонних людей нет. И, наконец, третье: дети чувствуют свою зависимость от старших и понимают, что не могут жить самостоятельно. Они могут не послушаться, но их бунт против родителей продолжается очень недолго: если они убежали без спросу на речку, то к обеду всё равно вернутся. У христианина тоже бывают моменты бунта, но он кончается очень скоро. К этому можно добавить еще одно: ребенок в силу своей неиспорченности и чистоты видит суть человека – к одним дети охотно идут, других сторонятся или пугаются. А у нас, взрослых, наша ментальность заслоняет суть человека, и на самом деле мы хуже понимаем людей, чем дети. Таким образом, духовная детскость – это еще одно, что помогает понять выражение «нищие духом».

Довольно часто в Псалтири наряду с выражением «смиренный духом» встречается словосочетание «сокрушенный сердцем» (см. Пс 33, 108, 146 и др.). «Близок Господь к сокрушенным сердцем, и смиренных духом спасет» (Пс 33: 19). Выражение «смиренный духом» употреблено также в 29-й главе книги Притчей Соломоновых и в 57-й главе книги пророка Исайи, а в 66-й главе этой же книги есть словосочетание «сокрушенный духом».

Итак, «нищий духом», «смиренный сердцем», «сокру-

шенный сердцем», «смиренный духом», «сокрушенный духом» – довольно распространенные библейские выражения, но можно встретить и такие: «мудрый сердцем», «слабый сердцем» и даже «коварный сердцем». В греческом языке существительное в таких случаях стоит в дательном падеже (в латинской грамматике он называется *Ablativus limitationis),* указывающем на то, что в словосочетании «мудрый (смиренный) сердцем» имеется в виду не просто «мудрый» («смиренный»), а «мудрый (смиренный) в глубине своего “я”». В чем же туг различие? Просто смиренный человек может быть смиренным лишь внешне, а «смиренный духом» – смиренен в глубине своего «я».

«Сокрушенный сердцем» – это сокрушенный, сломленный человек, как может быть сломлено дерево. А «сокрушенный духом» – это расставшийся со своей гордыней в глубине своего «я», не внешне (ведь гордыня внешне очень часто как раз выражается в нарочитой униженности, не случайно мы говорим: «Унижение паче гордости»), но в самых глубинах своего сердца. Таким образом, «нищий духом» – это тот, кто не просто надеется на Бога, как ребенок, но в самой глубине своего «я» надеется на Бога, как ребенок. Вот что значит это выражение в контексте Библии.

Кто наследует землю

Во всех без исключения рукописях латинского перевода

Библии после стиха «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное», идет не «Блаженны плачущие, ибо они утешатся», как в греческой Библии, а «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю», и уже потом – «Блаженны плачущие…» Этот вариант, сохраненный именно всеми латинскими рукописями, в том числе и таким блестящим текстологом, каким был блаженный Иероним, заслуживает очень внимательного прочтения. Почему?

«Блаженны нищие духом…», а дальше – «Блаженны кроткие…» Но мы понимаем, что слово «кроткий» по смыслу очень близко словосочетаниям «смиренный сердцем», «нищий духом», «сокрушенный сердцем» – это очень схожие понятия. Не случайно Господь говорит: «…ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф 11: 29).

«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Это Евангельское выражение взято из 36-го псалма, стих 11-й: «А кроткие наследуют землю, и насладятся множеством мира». Какую землю? Конечно, Землю Обетованную, Святую Землю. Но на языке Нового Завета Землей Обетованной называется Царство Божие, или Царство Небесное. Значит, слово «земля» здесь как бы синонимично словосочетанию «Царство Небесное»: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное», «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю», то есть Землю Обетованную, или Царство Небесное. Одно и то же сказано дважды, как в классическом псалме из числа Давидовых, Кореевых и т. д.

«Наследуют землю…» Что означает слово «наследуют»? Оно *очень любимо Евангелием.* «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф 25: 34). Наследуйте Царство, станьте *наследниками,* а не рабами (это уже Послание к Галатам: его основная тема – раб или сын, раб или наследник). Вы были рабами – стали сыновьями, детьми, наследниками. Наследовать может только сын, это очень важно понять, это еще одна параллель ко второму полустишию стиха Нагорной проповеди «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Кроткие становятся наследниками Царства Божия, или Царства Небесного.

А что значит «блаженны»? Из слов, составляющих этот стих, мы не коснулись только его. Слово это хорошо известно из Ветхого Завета.

«Блажени, ихже оставишася беззакония и ихже прикрышася греси…» – поем мы, совершая Таинство Крещения (Пс 31: 1). «Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем» (Пс 118: 1), «Блаженны живущие в доме Твоем» (Пс 83: 5), «Блажен муж, боящийся Господа» (Пс 111: 1), «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых» (Пс 1: 1) и т. д. В псалмах десятки раз встречается это слово – «блажен», или אַשְׁרֵי *(ашéр).* И по- гречески, и по-латински, и на иврите, и на русском языке оно теперь почти ничего не значит. В греческом контексте это напоминает о так называемых «островах блаженных». Греки считали, что

люди, прожившие благочестивую, достойную жизнь, такие, как Ахилл, Одиссей и др., не умерли, а пребывают где-то на «островах блаженных». Вот с чем связано, как говорят лингвисты, семантическое поле этого слова. Латинское *beati* – тоже не вполне ясное слово, переводят его иногда на современные языки как «счастливый», «блаженный», но это не совсем точно. Мы не знаем также, что значит на иврите слово *ашéр:* видимо, что-то похожее на «близкий к Богу».

Как человек может быть «близким к Богу», мы способны узнать только из собственного опыта. «Близок Господь к сокрушенным сердцем, и смиренных духом спасет» (Пс 33: 19). Значит, близки к Богу, «блаженны» смиренные духом.

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся». О каком плаче идет речь? Мы иногда говорим о ком-то: «У него глаза на мокром месте». Но здесь имеются в виду не меланхолики и не жертвы социальных притеснений, а те, кто жаждет духовного утешения. «Утешать» – одно из самых важных слов пророчества Исайи: «Утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог ваш» (Ис 40: 1). «Истаевает душа моя о спасении Твоем… Когда Ты утешишь меня?» (Пс 118: 81–82).

Симеон Богоприимец, «муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева» (Лк 2: 25), говорит о Младенце, пришедшем в мир, чтобы дать жаждущим и ожидающим утешение. Блаженны те, кто всем сердцем ждут того момента, часа, когда Господь войдет в их жизнь, ибо им действительно будет даровано и уже даруется это утешение.

Вспомним также 125-й псалом, где говорится о том, как плач сменяется радостью: «Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью. С плачем несущий семена возвратится с радостью, неся снопы свои». В Евангелии от Иоанна Иисус говорит ученикам в прощальной беседе: «…вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет» (Ин 16: 20). Плач апостолов, печаль Страстей сменятся радостью Воскресения Христова.

«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». Мы знаем, что глагол «алкать» – «хотеть пить», «жаждать», «хотеть есть» – в русском языке требует при себе родительного падежа существительного (например, «хотеть воды»), а в Нагорной проповеди существительное стоит в винительном падеже. Значит, речь идет не о какой-то частичной справедливости в отношении кого-то. Блажен тот, кто жаждет *всей* справедливости, какая ни есть на белом свете, – для всех и каждого, в полном объеме. А мы знаем, что такая воплощенная справедливость – Сам Христос. Блаженны алчущие и жаждущие Христа – того момента, когда Христос войдет в их жизнь. Ибо Христос даст им Самого Себя под видом Святых Тайн, и они насытятся. Можно, таким образом, говорить о евхаристическом подтексте этого стиха Нагорной проповеди.

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». «Суд без милости не оказавшему милости», – воскликнет потом апостол Иаков (Иак 2: 13). «Милость» – тоже очень важное слово в библейском языке. «Милость Божия», «лю-

бовь Божия» – любовь, которая, как дождь, проливается в наши сердца, чтобы мы отдавали ее другим.

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». «Чистый сердцем» («Сердце чистое сотвори во мне, Боже» – Пс 50: 12), «правые сердцем» («И похвалятся все правые сердцем» – Пс 63: 11) – очень близкие понятия. Чистое сердце Господь созидает в нас, христианах, и об этом мы молимся.

«…Ибо они Бога узрят». А можно ли увидеть Бога? Нет, каждый знает, что Бог есть Бог невидимый, с этого как бы начинается религия, вера в Бога истинного. Можно увидеть Амона, Зевса, Юпитера и других богов, а Бога истинного – нельзя. «Бога никто никогда не видел», – говорит евангелист Иоанн (1 Ин 4: 12).

(С этого чтения начинается церковный год, потому что в понедельник Светлой седмицы, во время второй пасхальной Литургии, мы читаем именно этот текст.) И тут же (и это не Ветхий, а Новый Завет!) – «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Налицо, казалось бы, противоречие. Но действительно, чистый сердцем может увидеть Бога и в Младенце на руках Его Матери, и в этом обычном, одетом в поношенный хитон раввине из Назарета – увидеть своим чистым сердцем. В Послании апостола Павла к Ефесянам есть выражение: «очи сердца» (1: 18). Только очами сердца можно увидеть Бога – увидеть Его в Иисусе Христе. Как и все другие заповеди блаженства, эта заповедь вновь приковывает наше внимание ко Христу. Очень важно заметить пара-

доксальность этого стиха, и если она не бросается нам в глаза, то лишь потому, что мы плохо знаем Писание, где говорится: «Бога не видел никто никогда».

«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими». Кажется, это самое трудное для толкования из всех «блаженств». Как вы уже видели, к каждому из стихов Нагорной проповеди можно подобрать множество параллельных текстов из других частей Писания, а вот у этого стиха их нет, кроме одного – из книги Притчей Соломоновых. Там, причем не в наших изданиях, а только в Септуагинте, сохранился в нетронутом виде стих, несколько искаженный в Масоретской Библии и поэтому не совсем точно переведенный на русский язык. В Синодальном переводе сказано:

> Кто мигает глазами, тот причиняет досаду,
> а глупый устами преткнется…
> Ненависть возбуждает раздоры, но любовь
> покрывает все грехи.
> В устах разумного находится
> мудрость, а на теле глупого – розга.
> Мудрые сберегают знание, но уста глупого —
> близкая погибель…
> Труды праведного – к жизни
> успех нечестивого – ко греху.
>
> *(Притч 10: 10, 12–14, 16)*

Как видим, каждый стих здесь содержит противопостав-

ление: участь глупого – участь мудрого, участь грешника – участь праведника и т. д. Если судить по греческому переводу, который был сделан с рукописей III века до Рождества Христова, то первоначальный текст был такой: «Кто мигает глазами, тот рождает вражду, а обличающий готовит мир». Обличающий с глазу на глаз готовит мир – как в Евангелии от Матфея: «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним…» (Мф 18: 15).

Здесь об этом как раз и идет речь – «блажен, кто готовит мир», «миротворец» – от греческого существительного «мир» и глагола «делать», причем греческий глагол πονέω замечателен тем, что обозначает труд того, кто работает до седьмого пота: ремесленника, каменотеса, плотника, гончара. Значит, блажен тот, кто не просто произносит какие-то слова, а именно трудится, подобно каменотесу или плотнику, чтобы наступил שָׁלוֹם *(шало́м),* мир – полное взаимопонимание, взаимопроникновение, полная открытость друг другу; вот такой человек и наречется сыном Божиим. Но мы знаем, что Сын Божий – это Христос. Таким образом, и здесь в подтексте возникает Христос, Которому мы призваны уподобиться в нашем богосыновстве.

Награда на небесах

«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство

Небесное». То, о чем прикровенно сказано в этом стихе – «за правду», прямо и открыто говорится в следующем: «за Меня». «Изгнанные за правду» – это те, кого гонят за Христа, мученики Христовы, мученики Церкви, ибо их есть Царство Небесное. Когда мы служим панихиду, то всегда вспоминаем о мучениках, которые нашли себе венцы в Царстве. И конец текста звучит, подобно победному гимну: *«Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесах».*

В церковнославянском переводе это звучит так: «Радуйтесь и веселитесь, ибо мзда ваша многа на небесех». Что такое «мзда»? Это слово нас несколько смущает, так как имеет отрицательный оттенок, например, в слове «мздоимство». А между тем это слово Олимпийских, Истмийских, Немейских и прочих спортивных игр. Оно означает награду, которую получает спортсмен. Иными словами, здесь содержится потрясающее сравнение христианина со спортсменом. Такое, которое с трудом укладывается в нашу концепцию христианства, воспринимающую спорт как нечто языческое, безбожное. Но ведь спорт – это борьба, притом борьба не с кем-то, а за что-то. Спорт – это борьба упорная, и мы знаем по вазописи и по текстам античных писателей, какую роль в жизни древних людей играли спортивные игры. Но, повторяю, это борьба не «против», а «за», борьба, которая не приносит никому смерти, никого не разрушает, – если это спорт нормальный, многоборье, как было в древности, а не нынешний профессиональный спорт, когда человек развивает в себе ка-

кое-то одно качество, а остальные гибнут. Так вот, оказывается, что «мзда… на небесех» – награда победителю, нетленные венцы, подобные венкам, которые получает спортсмен.

Вы, конечно, помните, что говорил апостол Павел о брани невидимой. (Позже Лоренцо Скуполи напишет на эту тему книгу «Духовная брань», на рубеже XVIII–XIX веков Никодим Святогорец переведет ее на греческий язык, а святитель Феофан Затворник – с греческого на русский.)

Апостол Павел говорит: «…Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф 6: 12). В греческом языке есть множество слов, обозначающих войну, брань, сражение. А здесь Павел употребляет слово *pale,* от которого образовано существительное παλαίστρα. А что такое παλαίστρα? Место, на котором спортсмены состязаются друг с другом. Если бы это было сражение, когда бойцы поражают друг друга копьями, то было бы употреблено слово μάχη. А здесь *pale* – схватка между борцами-спортсменами, которая кончается не убиением одного другим, а рукопожатием.

Более того, в Первом Послании к Коринфянам апостол Павел говорит: «Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить. Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы – нетленного. И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить

воздух; но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным» (1 Кор 9: 24–27). В греческом тексте на месте русского глагола «биться» употреблен глагол πυκτεύω, обозначающий действия кулачного бойца.

Вот эта нота в Священном Писании – уподобление духовной жизни спорту – долго не замечалась. Но если ее услышать, то станут понятными и выражения «невидимая брань», «мзда ваша многа на небесех». Мзда – это награда победителю, которая не унижает побежденного и не приводит к его смерти.

Итак, «Радуйтесь и веселитесь, ибо мзда ваша многа на небесех». В этом восклицании слышен отзвук 10-го стиха 50-го псалма. «Дай мне услышать радость и веселие», а также первого и последнего стихов 31-го псалма: «Блажен, кому отпущены беззакония, и чьи грехи покрыты!» и «Веселитесь о Господе и радуйтесь, праведные; торжествуйте, все правые сердцем».

Как и все предыдущие стихи 5-й главы Евангелия от Матфея, этот последний стих пронизан ветхозаветным духом, ветхозаветной поэтикой, он весь, от начала до конца, библейский. Это вообще очень важная черта Евангелия: язык всего Нового Завета пронизан языком Ветхого Завета. Вся поэтика Евангелия – это поэтика Ветхого Завета. Без Ветхого Завета Евангелие понять невозможно.

Соль земли

«Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески Несправедливо злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мф 5: 11–12).

«Так гнали и пророков…» Действительно, из Ветхого Завета мы это хорошо знаем. Во Второй книге Хроник есть такой текст: «И Дух Божий облек Захарию, сына Иодая, священника, и он стал на возвышении пред народом, и сказал им: так говорит Господь: для чего вы преступаете повеления Господни? не будет успеха вам; и как вы оставили Господа, то и Он оставит вас. И сговорились против него, и побили его камнями, по приказанию царя (Иоаса), на дворе дома Господня» (2 Пар 24: 20–21). И дальше: «И посылал к ним Господь, Бог отцов их, посланников Своих от раннего утра, потому что Он жалел Свой народ… Но они издевались над посланными от Бога, и пренебрегали словами Его, и ругались над пророками Его…» (2 Пар 36: 15–16).

Как гнали пророков, говорит Спаситель, так и вас будут гнать, но «вы *соль земли»* (курсив мой – *Г. Ч.).* Что это значит – «соль земли»? Вообще слово «соль» редко встречается в Писании. Но в Библии есть также выражение «завет соли». В книге Чисел Бог говорит: «Это завет соли вечный пред Господом, данный для тебя и потомства твоего…» (Числ 18: 19).

И еще: «Не знаете ли вы, что Господь, Бог Израилев, дал царство Давиду над Израилем навек, ему и сыновьям его, по завету соли?» (2 Пар 13: 5).

Когда мы кладем соль в пищу, то пища, во-первых, приобретает новый вкус, а во-вторых, не портится. Практика солить мясо вообще близка ближневосточной культуре. На юге, где всё быстро высыхает и портится, соль служит великолепным консервантом. В Библии слово «соль» употребляется и в этом значении, и в то же время как обозначение вкусовой добавки. Соль предохраняет продукт от гниения, и она же придает ему вкус.

«Едят ли безвкусное без соли?..» – есть такое восклицание в книге Иова (6: 6). А в книге пророка Варуха, известной только по-гречески (в числе книг второго канона), говорится о том, что без соли пища протухает, а благодаря соли сохраняется.

На этих двух принципах действия соли и держится выражение «завет соли». По завету соли отношения между Богом и людьми становятся *вечными.* Верующий должен сохранить мир в сердце своем в союзе с Богом. Через этот завет, союз, который заключен между Богом и верующим, в мире (во Вселенной) сохраняется мир – *шалом,* та полнота нашего взаимопонимания, вне которой Вселенная разрушается, разделяясь на враждующие между собой части, кланы и т. д. А по завету соли мир сохраняется. Подобно тому как соль предохраняет пищу от гниения, христианин предохраняет от

разрушения мир. Но если соль потеряет силу, то ее остается только выбросить, она ни на что больше не годна.

Свет мира

Вы не только «соль земли», но вы – «свет мира» (Мф 5: 14). Как понять это выражение: «Вы свет мира», когда Христос в Евангелии от Иоанна прямо говорит: «Я свет миру» (Ин 8: 12)? Все знают эти слова, потому что на иконах Господь изображается с открытым Евангелием, на котором написано: «Я свет миру».

Когда евангелист говорит в прологе «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин 1: 5), то о каком свете идет речь? «Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин 1: 9). Конечно, здесь речь идет о Христе, Который всякого человека, входящего в мир, освещает и просвещает. И вдруг такое неожиданное заявление: «Вы свет мира».

«Свет к просвещению язычников» в молитве Симеона Богоприимца – это тоже Христос (Лк 2: 32). А тут – «Вы свет мира». Но христианин идет за Христом, он есть подражатель Христу. Если Христос – свет миру, то и всякий христианин, действительно идущий за Христом, становится светом мира. Это очень важный момент.

Дом на камне

«Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его», – восклицает Спаситель, подразумевая Матерь Божию (Лк 11: 28). «Блажен ты, Симон, сын Ионин; потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах», – говорит Иисус, обращаясь к Петру, в ответ на его слова «Ты Христос» (Мф 16: 17).

Когда мы читаем: «Блажен ты, Симон…», то как-то сразу вспоминаем «Блаженны нищие духом…», «Блаженны плачущие…», «Блаженны кроткие…». «Блажен ты, Симон», потому что открыл тебе это «Отец Мой, сущий на небесах».

Ты камень, говорит Петру Спаситель, «и на сем камне Я создам Церковь Мою». Ты камень… Но из Ветхого Завета мы знаем, что камень, скала Израиля, твердыня – это Бог (2 Цар 22: 2–3). «Он твердыня», – восклицает Моисей (Втор 32: 4). «Господь твердыня моя и прибежище мое, Избавитель мой, Бог мой, – скала моя; на Него и уповаю» (Пс 17: 3). Здесь сказано: Ты камень, Ты скала. Апостол постоянно напоминает нам о том, что Господь – камень, скала. А Сам Иисус говорит Петру: ты камень.

Мы знаем из Евангелия от Иоанна, что Господь – это свет, а Господь обращается к нам, говоря: вы свет мира, хотя нам известно, что свет миру – это Он. Всё это есть не что иное, как призыв подражать Христу. Если Иисус говорит, что Он

камень, то и каждый из нас должен стать камнем. Если Он говорит: «Я свет миру», то и каждый из нас должен стать светом для мира. Иначе мы не будем Его подражателями, Его учениками, христианами.

Нагорная проповедь кончается рассказом о двух домах: одном – построенном на песке, а другом – на камне, на скале. Камень – это Петр, потому что он подражает Христу. Но скала – Сам Христос. Дом на скале – это Церковь, это Дом, краеугольным камнем которого является Христос.

«И на сем камне Я создам Церковь Мою…», – говорит Христос в 16-й главе Евангелия от Матфея, а в 7-й главе – о скале, то есть тоже о Церкви, но несколько прикровенно. И этот Дом на скале – Церковь – «врата ада не одолеют». А дом на скале из Нагорной проповеди? На него обрушатся воды, но он не упадет, потому что основан на камне, на скале. Вода в Библии символизирует смерть. Значит, и врата адовы не разрушат этот Дом.

Таким образом, текст об исповедании Петра из 16-й главы Евангелия от Матфея надо читать в связи с Нагорной проповедью, так как он глубочайшим образом укоренен именно в первых словах проповеди Христовой. И когда некоторые протестантские экзегеты, как бы желая унизить Рим и апостола Петра, говорят, что это позднейшая вставка, они, конечно, не правы. Это политизация евангельского текста. Попытка оперировать текстом в целях церковной политики не выдерживает критики, потому что этот текст глубочайшим

образом укоренен в Нагорной проповеди.

«А Я говорю вам…»

Далее Господь начинает разговор о заповедях. И, обратите внимание, говорит по одной формуле: «Не кради», «Не убивай», «Не прелюбодействуй»… И продолжает: «А *Я* говорю вам…» (курсив мой – *Г. Ч.)* – тогда как все ветхозаветные пророки, никогда не подчеркивая своего «я», возвещали: «Так говорит Господь», тогда как раввины в Талмуде всегда говорят: «Есть такое мнение, что…», тогда как Сократ советует своим ученикам: «Поменьше думайте о Сократе, а побольше об истине». Господь же произносит: «А *Я* говорю вам…»

Эта формула – «Я говорю вам» – повторена в Нагорной проповеди пять раз, причем в греческом языке, если глагол стоит в 1-м лице единственного числа, то местоимение «я» не употребляется, оно лишнее. Но в Нагорной проповеди оно обязательно присутствует.

На εγώ делается логическое ударение: «А *Я* говорю вам…»

Иными словами, христианство не есть какое-то учение, которое может существовать независимо от личности Того, Кто его преподает. Философия Канта и без Канта остается стройной системой. Учения Гегеля или Хайдеггера и без них не утратят своего смысла. И есть люди, которые, будучи

последователями философии Мартина Хайдеггера, отрицательно относятся к нему самому, потому что на склоне лет он вступил в фашистскую партию и написал несколько статей, восхваляющих Гитлера. Действительно, это крайне неприятный факт биографии философа, но его система от этого не пострадала. Она живет уже как бы помимо его личности.

А Евангелие отдельно от личности Христа не существует, теряет всякий смысл. Таким образом, слово εγώ играет здесь какую-то совершенно особую роль. Когда Сократ говорит: «Поменьше думайте о Сократе, побольше об истине», – то он как бы подчеркивает, что истина существует помимо людей, помимо его, Сократа, помимо его ученика Платона и т. д. Когда Аристотель восклицает: «Платон мне друг, но истина дороже», – он тоже говорит о том, что истина существует помимо его учителя.

В Евангелии всё по-другому. *Иисус Сам есть воплощенная Истина.* По определению искусствоведа Г. Вагнера, это «личностное воплощение Абсолюта». И именно по этой причине интеллигенту часто бывает очень трудно прийти в Церковь: ведь он, человек, воспитанный на античной философии и новоевропейской науке, привык, что истина существует сама по себе, что она не воплощается, что она абстрактна, как бы отделена от людей. А в христианстве вся истина воплощена в лице Спасителя.

Вот где проходит граница между Афинами и Иерусалимом. Для Афин истина существует помимо человека, для

Иерусалима она воплощена в лице Сына Божиего. Это центральный момент христианства.

Но в этой части Нагорной проповеди есть не только слово «Я», повторенное пять раз в формуле «А Я говорю вам…». Здесь есть еще одно слово, которое, с точки зрения грамматики греческого языка, в тексте тоже лишнее, но в данном случае ключевое. Это слово «вы».

Такое построение текста на двух полюсах: «Я» – «вы» – особенно заметно, когда читаешь Нагорную проповедь по-гречески. Во всех других переводах этот оттенок исчезает. Из греческого же текста видно, что вся Церковь построена на отношении между «Я» Христа и «вы» Церкви – каждого из тех, кто ее составляет.

Вне этих взаимоотношений никакой Благой Вести нет и быть не может. И, может быть, именно поэтому последним и ключевым стихом этой части Нагорной проповеди становятся слова: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5: 48). Несомненно, речь здесь идет о подражании Богу. Каждый человек должен быть подражателем Ему. Вне этого жизнь теряет смысл.

В общем, наверное, каждому, кто хоть сколько-нибудь начитан в Библии, понятно, что слова эти – «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» – восходят к ключевому стиху в книге Левит, который повторен там как минимум четыре раза: «Будьте святы, ибо Я свят» (Лев 11: 44, 45; 19: 2; 20: 7).

Святость, о которой говорится в книге Левит, – это прежде всего *чистота.* Чистота ритуальная и чистота вообще, символом которой является чистота ритуальная.

В Нагорной проповеди употреблено слово «совершенны», что значит «предел», «конец». Но конец не в значении английского *finish* или *end.* Не тот конец, когда, например, кончается фильм и в титрах написано: *«End».* Это совсем другой конец. Это когда сосуд наполнен доверху. Это полнота. «Будьте совершенны» означает «будьте полны», «будьте наполненны», «будьте совершенны в жизни по заповедям». Господь говорит богатому юноше: если хочешь быть совершенным, пойди и продай всё, что имеешь, и раздай нищим (см. Мф 19: 21). Там употреблено то же самое слово. Значит, «совершенный» – это «исполняющий заповеди», «живущий по заповедям». Теперь слово «совершенный» становится более понятным, чем в Ветхом Завете, но всё же не до конца.

В третий раз это выражение встречается в Евангелии от Луки. В греческом переводе, правда, употреблено слово «делайтесь»: «Делайтесь милосердны, как Отец ваш милосерд».

Слово «милосерд» – это калька с латинского «сжалиться сердцем», «жалеть изнутри». Оно выражается греческим словом οἰκτίρμων, но не вполне. И чтобы понять, что же скрыто в глубине этого призыва – «Будьте совершенны», «Будьте милосердны», надо подумать о том, что стоит за словом «делайтесь». Во-первых, это означает: идите вперед, не оставайтесь такими, каковы вы сегодня, не считайте, что

путь закончен, а идите по этому пути и делайтесь лучше. Слово οἰκτίρμων происходит от οἶκτος – «сочувствие», «сострадание», плач и сетование о чужой боли. У Гомера часто употребляется это выражение. Один из героев «Одиссеи» рассказывает о своей судьбе, и этот οἶκτος охватывает всех ахейцев. Боль о чужой беде – вот что такое οἶκτος. Таким образом, слово οἰκτίρμων можно перевести как «открытый к чужой боли»: будьте (делайтесь) открытыми к чужой боли, как открыт к ней Отец наш Небесный. Вот каков смысл слова «совершенный». «Открыты» – не то же, что «совершенны» в какой-нибудь восточной традиции, когда религия превращается в теорию самосовершенствования. В Евангелии нет этой идеи. Здесь – будьте открыты к боли другого. Это и есть христианство.

Милостыня

В начале 6-й главы Евангелия от Матфея Иисус говорит о милостыне, о молитве и о посте. Из опыта собственной духовной жизни и из опыта Церкви в целом мы знаем, что милостыня, молитва и пост – это три основных составляющих, на которых держится жизнь всякого христианина и без которых она просто невозможна.

Слово «милостыня» поддается переводу с греческого языка с очень большим трудом. Даже блаженный Иероним, будучи блестящим переводчиком и великолепным знатоком

обоих языков, переводя Евангелие на латынь, не смог найти латинский эквивалент для греческого ελεημοσύνη и в конце концов просто оставил это слово в Вульгате без перевода. Во французском языке, как это ни парадоксально, тоже не нашлось слова, аналогичного этому греческому термину. Во французских переводах Писания использовано слово *aumône,* которое происходит от средневекового латинского *alemosina.* В английском языке слово *alms* (милостыня) тоже происходит из латыни и не дает поэтому ничего нового для понимания самого этого явления, не отвечает на главный для нас вопрос: милостыня – что же это значит? Похоже, это нечто такое, что до появления Евангелия европейскому, а следовательно, и античному менталитету было принципиально неизвестно.

Поэтому единственным источником, который нам может чем-то помочь, оказывается древнееврейский оригинал Ветхого Завета. Здесь слову, которое по-гречески звучит как ελεος, т. е. «милость», соответствует слово חֶסֶד *(хе́сед)* – «любовь Божия». חֶסֶד יהוה *(хе́сед Яхве)* – это милость Божия, которая проливается в сердца людей подобно дождю, – той живительной влаге, без которой всё очень быстро погибает. Если милость Божия, пролитая в наши сердца, по нашей собственной доброй воле переливается в сердца других людей, добровольно отдается нами другим, – это и есть милостыня. Она подобна дождевой воде, которая, собранная во время ливня, попавшая с небес в сосуды, может быть пере-

лита из них куда угодно.

Становится ясно, что мы тогда творим милостыню, когда, по примеру Самого Иисуса (см. Ин 13: 13–15) отдаем другим то, что дает нам Бог. Иисус в Евангелии настаивает на том, чтобы милостыня была тайной: «У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Мф 6: 3). Иной раз в церковной практике это понимается буквально – бывает, что бабушки сердятся, когда кто-то передает деньги во время службы левой рукой. Но говорится тут, конечно, не об этом, а о вещах несравнимо более важных. Отдавая деньги, ты не должен задумываться, запоминать, кому и сколько отдал, не должен фиксировать этот факт в памяти и подсчитывать, во что оценивается твоя доброта и твоя вера. Ты можешь дать немного, и об этом хорошо говорит в Ветхом Завете книга Товита: «Давай алчущему от хлеба твоего и нагим от одежд твоих; от всего, в чем у тебя избыток, твори милостыни, и да не жалеет глаз твой, когда будешь творить милостыню» (4: 16). Если ты богат – твори много, если беден – не бойся творить милостыню понемногу. Верующее сердце может сразу, не размышляя, понять, сколько я могу сегодня дать. Главное – не задумываться. Вот что такое милостыня, которая втайне. Она совершается втайне не только от других, но и от себя самого.

И Господь, Который знает тайное, воздаст тебе. Причем не воздаст тебе *явно,* как говорится в позднейших рукописях, а воздаст каждому по-своему: кому-то явно, а кому-то

еще более тайно. Что вообще значат слова «И Отец твой, видящий тайное…»? Иногда мы толкуем их, полагая, что Бог как бы наблюдает за нами, за каждым нашим шагом. Замечательный, хотя в высшей степени противоречивый и даже несчастный мыслитель XX века Жан-Поль Сартр признавался, что именно на этом «сломалась» его вера. Он с детства знал, что Господь видит тайное. И когда он прожег дома ковер и боялся сказать об этом матери, то сначала думал, что Бог накажет, ибо Он видит тайное. Но потом решил, что Бог, раз Он его не наказал, ничего не видел, и так избавился и от животного страха перед Богом и матерью, под гипнозом которого жил первые дни после совершенного проступка, и одновременно – от веры, к которой уже больше не вернулся до самого конца своей жизни. Вера, основанная на страхе перед Богом, Который всё видит, обречена. В какой-то момент своей жизни человек непременно расстанется с ней, как избавляются от детских страхов и выздоравливают от болезней.

«И Отец твой, видящий тайное…» – так говорит Иисус, имея в виду что-то другое. Что именно? Да, Бог знает тайны нашего сердца, причем знает даже те тайны, которых мы сами не знаем; Он видит в нашем сердце то, чего мы сами не видим. Он видит глубже, чем видим мы: не то, что мы пытаемся скрыть от других, а то, чего еще не видим сами. Так, например, в сердце закоренелого преступника Бог видит то, что поможет этому человеку преодолеть свою греховность, выкарабкаться из ямы, в которую загнали его жизнь и рав-

нодушие людей вокруг.

Бог много глубже, чем сам человек, смотрит внутрь каждого из нас. Поэтому, когда три раза подряд в 6-й главе Евангелия от Матфея повторяется выражение εν κρύπτω – «втайне, тайное», Христос обращает здесь наше внимание на живую, интимную, глубоко внутреннюю связь, которая соединяет каждого из нас с Богом. Но речи о том, что Бог наблюдает за нами, как зритель за игрой актеров, здесь и в помине нет. У Н. С. Гумилёва в одном из стихотворений говорится: «Все мы смешные актеры в театре Господа Бога». Это, конечно, неверно. Поэт в жизни был человеком удивительно чистой веры, но богословом оказался слабым.

Бог знает наше сердце. Он, как говорит св. Иоанн Златоуст в Слове Огласительном, которое читается в день Пасхи, «намерение целует», т. е. видит то, что живет в глубине моего «я», – видит и целует. Исходя из этого, Господь зовет нас творить милостыню, давать, ибо это блаженнее, чем получать (см. Деян 20: 35), и вообще не медлить с помощью тем, кто в этом нуждается. В книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, Бог зовет нас тратить серебро для брата и для друга и не давать ему заржаветь (см. Сир 29: 13).

Деньги надо зарабатывать и тратить, но, главное, как можно меньше о них думать. Идя этим путем, человек никогда не споткнется. Хорошо об этом сказано в Псалтири: «…Когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца» (Пс 61: 11). В богатстве как таковом ничего дурного нет, но ко-

гда мы в подсчет денег включаем глубины своего «я», нам неминуемо грозит беда.

Не случайно слово «милостыня» такое трудное, естественно и то, что оно не поддается переводу. Милостыня – не просто отчисление какого-то процента от своих доходов в пользу бедных, не просто десятина – это нечто значительно большее. Она связана с отдаванием именно Божьего – того, что Даровано нам Самим Богом, – другим людям, тем, кто нас окружает. Это явление не физическое, а мистическое – явление, в которое включено сердце, часть делания, совершаемого «втайне», и не случайно в Нагорной проповеди это выражение повторяется так часто.

Молитва

Подавай милостыню и молись – вот к чему призывает нас Иисус. Как молиться? «Войди в клеть твою», – говорит Он, начиная свою беседу. Причем в славянском варианте сказано именно про клеть, а не просто про комнату, как в русском переводе. Слово, которое использовано в греческом тексте Евангелия, обозначает не жилую комнату, а чердак, амбар, склад, чулан, вообще помещение без окон, где люди обычно не живут, – свв. Кирилл и Мефодий, как всегда, заметили что-то такое, мимо чего прошли потом переводчики нового времени.

«Войди в клеть твою». Это ответ на вопрос, как и где нам

следует молиться, когда, например, мы, люди разных возрастов и интересов, живем в однокомнатной квартире. Нам не следует мешать друг другу отдыхать, смотреть телевизор или заниматься какими-то другими делами. Для молитвы достаточно «клети», молясь в которой, мы не будем мешать нашим близким или смущать их. Клетью этой, в конце концов, может стать наше собственное сердце.

Здесь говорится о том, что не надо молиться публично, демонстрируя свое благочестие, как любили делать фарисеи, останавливаясь для молитвы на углах улиц. Они уже получают награду свою, говорит Христос, а вы молитесь тайно. Тогда эта тайная молитва действительно будет приношением сердца, потому что в молитве тайной, в клети своей, запертой на замок, человек раскрепощается от условностей. Не случайно же в православных храмах принято выключать свет и гасить свечи, когда читается Шестопсалмие, – чтобы люди могли не стесняясь поплакать, встать на колени. В больших соборах всегда есть какое-то место, где можно укрыться от посторонних глаз, особенно во время вечерней молитвы. Встать в нишу, где сможешь открыть сполна сердце Богу, уйти в келью не только в прямом, но и в переносном смысле слова, в глубину своего «я», – вот что нужно для молитвы.

«А молясь, не говорите лишнего…» В греческом варианте употреблено слово βαττολογέω, что значит «говорить вздор», «бормотать», «произносить непонятные слова»

и т. п. Что имеет в виду Иисус? В древности во всех религиях, практически у всех без исключения народов молитвы переходили из поколения в поколение, передаваясь по наследству от дедов и прадедов. Поэтому, как правило, в них сохраняется тот язык, который уже утрачен людьми следующих поколений. Скажем, римляне во времена Цицерона и Цезаря говорили на одном языке, вполне современном, а молились на другом – на языке VII века до Рождества Христова, времен Ромула и той эпохи, о которой они, в сущности, уже ничего не знали. Поэтому образованный римлянин, знавший, естественно, как разговорный, так и литературный латинский, просто не понимал, о чем он молится. Арабы и наши российские мусульмане и сегодня молятся на языке Корана, не зная древнего арабского языка. Иудеи по всему миру, не понимая иврита, молятся на нем, повторяя слова молитв, механически заученных на память.

Христос предлагает нам другой путь: молитесь на том языке, на котором вы говорите. Не на иврите, который вы плохо знаете, а на своем – арамейском. Сам Он говорит и проповедует *только* по- арамейски.

Скажите несколько слов, но на своем родном языке. Что же касается молитвы, которая совершается на языке чужом или малознакомом, то к ней необходимо относиться крайне осторожно. Заучив на память, затвердив такую молитву, человек начинает повторять ее нараспев как нечто непонятное, чудесное, гипнотизирующее, вводящее в состояние особой

легкости и какого-то особого упоения. Происходит не встреча с Богом, а нечто совсем другое: самогипноз. Вот почему Иисус нас предупреждает: молясь, не говорите слов, которые не понимаете. Молиться можно только своими, простыми, «детскими» словами, понимая, о чем мы просим Бога.

«Когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови», – говорит Господь устами пророка (Ис 1: 15). Когда мы молимся, мы должны стремиться изменить себя, преодолеть свои слабости, стать другими. Нельзя механически повторять слова молитвы и не пытаться переделать свою жизнь. Мы должны отказаться от зла. «Не повторяй слова в прошении твоем», – говорится в книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова (7: 14). Иными словами, не будь многословен в твоем молении. Об этом же говорится и в книге Екклесиаста: «Не торопись языком твоим, и сердце твое да не спешит произнести слово пред Богом» (5: 1).

Иногда нам кажется необходимым прочитать всё Правило – быстро, невнимательно, но до конца. А лучше будет прочитать две-три молитвы, но так, чтобы каждое слово, каждая буква их прошли через сердце, вышли из глубин нашего «я».

Молитва, в сущности, не есть повторение слов – это не заклинание. Когда язычники молились на архаической латыни, не зная ее и зачастую вообще не понимая, о чем в той или иной молитве идет речь, смысл того, что они делали, заключался в самом *произнесении* слов. Когда колдуны бормочут свои молитвы, им тоже представляется важным произнести

слово. В сказке В. Гауфа «Калиф-аист» тот, кто произносил латинское слово *mutabor,* сразу превращался в то животное, облик которого хотел почему-то принять. Молитва, к которой призывает нас Христос, ничего общего с таким заклинанием не имеет. Молитва Его, по сути, есть уход в безмолвие.

Когда-то Ф. Мориак хорошо сказал о том, что молитва – это *piste d'envol,* т. е. взлетная полоса. Самолету, чтобы он взлетел, необходимо пробежать как минимум пятьсот метров по бетонной дорожке, но дальше она ему уже не нужна, он летит без нее. Чтобы прикоснуться к реальности Бога, начать диалог с Ним, нужны слова, но потом необходимость в них отпадает. Задолго до Мориака о том же говорил православный святой Феофан Затворник, сравнивавший молитву по молитвослову с прописями, которые необходимы, чтобы научиться правильно и красиво писать. Когда же ты этому научишься, говорил он, тебе уже не потребуются образцы, ты сможешь молиться своими словами, а потом – и вовсе без слов.

Конечно, ничто так не открывает сердца, как молитва «Богородице Дево, радуйся…» или Иисусова молитва, а иногда просто один или два кратких стиха из того или иного псалма. Тем более что Бог, как говорит Иисус в Нагорной проповеди, знает, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него. И задача в молитве – не умножать слова, а поставить себя в присутствие Божие, почувствовать трепет, открыть для себя, что Он здесь, что земля, на которой ты

стоишь, святая.

У мусульман принято входить в мечеть, сняв обувь, не навязывая Богу шума своих шагов. Это действительно замечательный обычай, который восходит к Ветхому Завету. Господь говорит Моисею из неопалимой купины: скинь обувь, не навязывай мне своего шага, прислушайся к тому, что говорю тебе Я. «И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих; ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исх 3: 5).

Прекрасно говорит о молитве митрополит Сурожский Антоний: «Дайте Богу сказать, не заглушайте Его голос своими молениями, помолчите, когда молитесь».

В Талмуде описывается, как в древности благочестивые люди, прежде чем начать молиться, час пребывали в молчании. Молчание важно и для каждого из нас, потому что иначе мы не войдем в присутствие Божие. Слово «час» не обязательно понимать в астрономическом значении – на деле это могут быть три-четыре минуты, но обязательно иметь в виду, что какое-то время для молчания абсолютно необходимо каждому.

Отче наш

Далее Господь предлагает нам слова Своей молитвы, которую знают все: «Отче наш, Иже еси на небесех!» Очень важно сравнить слова этой молитвы в Евангелии от Матфея

со словами той же молитвы в Евангелии от Луки. Если мы пользуемся Синодальным переводом, то сделать это невозможно: там текст Евангелия от Матфея полностью перенесен в Евангелие от Луки. Поэтому надо брать перевод под редакцией епископа Кассиана или перевод на один из современных языков и по ним сопоставлять два текста молитвы «Отче наш».

«Отче наш, Который на небесах!»[9] – в Евангелии от Матфея (6: 9), и только одно слово «Отче!» – в Евангелии от Луки.

«Да святится имя Твое. Да придет Царство Твое» – в обоих случаях. А дальше – только у Матфея: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе». «Хлеб наш насущный подавай нам сегодня» – у Матфея, у Луки в несколько иной форме, но полностью присутствует это же прошение. Точно так же полностью, но немного в разных вариантах: «И прости нам долги наши, как и мы простили должникам нашим» – у Матфея, «И прости нам грехи наши, ибо и мы сами прощаем всякому, кто должен нам» – у Луки. Последний стих начинается словами: «И не введи нас во искушение» – на этом кончается молитва у Луки. «Но избави нас от лукавого» – появляется в конце молитвы у Матфея. И дальше здесь же возглас: «Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки», –

---

[9] Здесь и далее в этой главе цитаты из Евангелия от Матфея и Евангелия от Луки приводятся по переводу Нового Завета под редакцией епископа Кассиана (Безобразова).

который есть в средневековых рукописях, но отсутствует в древнейших, относящихся к IV веку: Синайской и других. Он пришел из литургической практики. В первый раз этот возглас встречается в Библии в Первой книге Хроник (1 Пар 29: 11–13).

Что же получается? Молитва в Евангелии от Матфея состоит из пяти двустиший, это стройная поэтическая структура. У Луки же этих двустиший нет. Если вы перепишете молитвы как стихи, то увидите, как дополняется текст Евангелия от Луки вставками, которые есть у Матфея. И сразу молитва приобретает поэтическую форму, легче запоминается, потому что стихи всегда легче усваиваются, чем проза.

Полустих «Да придет Царство Твое» из Евангелия от Луки дополнен у Матфея вторым, параллельным: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе». Так же и последний полустих «И не введи нас во искушение» дополнен второй половиной: «Но избавь нас от лукавого». Вторая половина стиха всегда пересказывает содержание первой, но несколько иначе. Оказывается, молитва составлена по правилам библейской поэзии – из двустиший.

Что касается вставок из Евангелия от Матфея, то все они взяты из Ветхого Завета. Так, слово «наш» при слове «Отче» взято из книги пророка Исайи: «Только Ты – Отец наш; ибо Авраам не узнает нас, и Израиль не признает нас своими; Ты, Господи, Отец наш, от века имя Твое: “Искупитель наш”» (63: 16).

«Отче наш, Который на небесах» – это слова из книги Екклесиаста: «Не торопись языком твоим, и сердце твое да не спешит произнести слово пред Богом; потому что Бог на небе, а ты на земле; поэтому слова твои да будут немноги» (5: 1). «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе». Это выражение отчасти взято из названного выше места книги Екклесиаста, отчасти – из Первой книги Маккавейской: «А какая будет воля на небе, так да сотворит!» (3: 60).

Вообще молитвенное восклицание «Да будет воля Твоя» легко обнаружить практически на всех страницах Сидура, иудейского молитвенника, по которому до сих пор ежедневно молятся верующие иудеи. Это одна из самых распространенных молитв Сидура. В молитве «Отче наш» она дополнена цитатой из Екклесиаста.

Следующие стихи – «Хлеб наш насущный дай нам сегодня. И прости нам долги наши, как и мы простили должникам нашим» – звучат приблизительно одинаково у Матфея и у Луки. Последний полустих у Матфея – «И не введи нас во искушение» – дополнен полустишием «Но избавь нас от лукавого», взятого из книги Премудрости Соломона (16: 8).

Из каких источников дополнена молитва «Отче наш» и превращена тем самым в стройный поэтический, легко запоминающийся текст, было показано выше, это понять нетрудно. А что представляла она собой первоначально? «Отче!» – восклицает Иисус в самом начале. Из Евангелия от Иоанна мы знаем, что иудеи «еще более искали убить Его»

за то, что «Он не только нарушал субботу, но и Отцем Своим называл Бога, делая Себя равным Богу» (5: 18). Внимательного читателя, знакомого с Библией по русскому переводу, это замечание должно бы смутить. Почему за это хотели убить Иисуса, если в процитированном выше отрывке из книги пророка Исайи и во многих других местах Писания пророки многократно называют Бога Отцом?

Например, у Иеремии говорится: «Не будешь ли ты отныне взывать ко Мне: “Отец мой! Ты был путеводителем юности моей!..”» (3: 4). Или во Второзаконии: «Не Он ли Отец твой, Который усвоил тебя, создал и устроил тебя?» (32: 6). Далее – у пророка Исайи: «Но ныне, Господи, Ты – Отец наш… и все мы – дело руки Твоей» (64: 8).

И вновь пророк Иеремия: «Они пошли со слезами, а Я поведу их с утешением; поведу их близ потоков вод, дорогою ровною, на которой не споткнутся; ибо Я – отец Израилю, и Ефрем – первенец Мой» (31: 9).

«Изречения отцов» («Пирке Авод»), книга, содержащая поучения мудрых раввинов, часто печатающаяся в иудейских молитвенниках, служит как бы обязательным дополнением к Сидуру. Она была известна прежде и известна до сих пор каждой иудейской семье. Один из ее авторов говорит: «Будь дерзок, как леопард, стремителен, как орел, быстр, как олень, и силен, как лев, чтобы выполнять волю Отца твоего, Который на небесах». И далее приводится молитва: «Да будет воля Твоя, предвечный Боже наш и Боже отцов на-

ших» (5: 25). Поразительно, но уже здесь есть ядро, из которого вырастет позже, в молитвенной практике Христа и Его учеников, молитва «Отче наш».

Иудеи хотят убить Иисуса за то, что Он называет Отцом Своим Бога. Но Исайя, Иеремия и другие пророки говорят то же самое – однако их за это не хотят убить! *В чем же здесь дело? Понять это необходимо.* В том, что Иисус в молитве «Отче наш» называет Бога вовсе не Отцом. Он называет Его словом אבא *(Абба),* с которым обращаются к своим отцам маленькие дети. За это и хотят Его убить – за то, что Он обращается к Богу без трепета, употребляя это странное, непонятное, уместное лишь дома, в интимном общении, в устах маленького ребенка, слово. До сих пор в арабских странах дети, обращаясь к отцу, говорят *джаба, абба* – дети, но не взрослые сыновья, в устах которых такое обращение звучит нелепо. Слово *аббá,* лежащее в сердцевине тех отношений с Богом, к которым зовет нас Иисус, уместно в устах ребенка, когда он сидит на коленях у папы, но никак не в устах взрослого. Вот за это Его и хотят убить! Вот какую новую ноту вносит Господь в наш диалог с Богом! Стань ребенком, обращайся к Богу, как ребенок вращается к отцу. И тогда ты поймешь, что такое христианство, что такое молитва, которой нас учит Христос.

«Да святится имя Твое…» На первый взгляд, эта фраза почти не поддается пересказу. Однако и в ее смысл необходимо вникнуть как можно более серьезно. Страдательный

залог в Писании употребляется, как правило, в одном случае, – когда речь идет о Боге, чтобы не употреблять имя Его всуе. «Блаженны милостивые, ибо они будут помилованы». Помилует их кто? Господь. «Блаженны скорбящие, ибо они будут утешены». Утешены кем? Богом. «Блаженны миротворцы, ибо они будут названы сынами Божиими». Кто наречет их сынами Божиими? Сам Бог. «Не судите, чтобы и вы не были судимы; ибо, каким судом судите, таким будете судимы», и Сам Бог осудит вас.

Можно привести аналогичные примеры из Ветхого Завета, особенно из притч. Везде, где употребляется страдательный залог, имеется в виду, что действие осуществляет Сам Бог. Это значит, что на современном русском языке вместо «Да святится имя Твое» надо бы сказать «Святи имя Твое».

Это уже понятнее, потому что в книге пророка Иезекииля есть такое место: «И освящу великое имя Мое, бесславимое у народов, среди которых вы обесславили его, и узнают народы, что Я Господь… когда явлю на вас святость Мою перед глазами их» (36: 23). Из этого стиха можно выделить две параллельные структуры, два параллельных стиха, дублирующих друг друга: «освящу имя Мое» и «явлю святость Мою». Разными словами они говорят об одном и том же.

В Евангелии от Иоанна Иисус несколько раз восклицает: «Я открыл имя Твое…» (17: 6, 26), т. е. «Я сделал известным имя Твое», или: «Прославь имя Твое…» (12: 28). Значит, святить имя Божие – то же, что открыть. Когда мы об-

ращаемся к Господу: «Святи имя Твое», это означает, что мы просим: «Открой имя Твое», «Яви имя Твое людям».

Бог, как говорится в молитве, читаемой во время евхаристического канона, перед пением гимна «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф», «неизреченен», т. е. о Нем нельзя сказать, «недоведом» – Его нельзя понять, «невидим» – Его нельзя увидеть, «непостижим» – Его нельзя ни изобразить, ни представить в уме.

Имя Божие – вот то единственное, во что вмещается представление о Боге. Имя Божие – как икона, как храм. Бог живет в храме, вмещается в Свое имя. Имя Божие заменяет икону.

Бог являет Себя людям. Как? Открывая Свое имя.

Что Моисей говорит Богу у купины? Люди не поверят мне, спросят, как Твое имя. И тогда Бог открывает Моисею Свое имя: Яхве – Сущий, Тот, Который есть и будет.

Значит, через имя Бог являет и открывает Себя людям. Имя Божие – это, в сущности, Сам Бог.

Во Второзаконии есть замечательный текст, который поможет нам до конца понять прошение «Да святится имя Твое»: «И разрушьте жертвенники их, и сокрушите столбы их, и сожгите огнем рощи их, и разбейте истуканы богов их, и истребите имя их от места того. Не то должны вы делать для Господа, Бога вашего; но к месту, какое изберет Господь, Бог ваш, из всех колен ваших, чтобы пребывать имени Его там, обращайтесь, и туда приходите» (Втор 12: 3–5).

Обычно мы говорим о пребывании Бога среди нас, а здесь речь идет о пребывании имени – значит, Бог пребывает среди нас в виде Своего имени. Когда мы восклицаем: «Господи, Господь наш, яко чудно имя Твое по всей земли» (Пс 8: 2), – то мы говорим тем самым: как чуден Ты Сам!

«Да хвалят имя Господа… Хвалите Господа… старцы и отроки да хвалят имя Господа» (Пс 148). Одно и то же повторено в этом псалме несколько раз, но разными словами. Значит, имя Божие – то же, что Сам Бог. «Ночью вспоминал я имя Твое, Господи» (Пс 118: 55), т. е. вспоминал о Тебе. Иными словами: не просто – открой имя Твое, но открой Себя, Господи, войди во всём Твоем сиянии, во всей Твоей святости в нашу жизнь. Яви Себя в Своей славе. Вот что значат слова «Да святится имя Твое».

Почему об этом сказано здесь так сложно – настолько, что девяносто девять процентов из нас не понимают, что значат эти слова? Вероятно, по той причине, что слово Евангелия, действительно, подобно семени. Оно, как семя в землю, падает в сердце человека, чтобы там постепенно согреться, напитаться, разбухнуть, затем дать росток, а через какое-то время принести плод. Слова «Яви Себя нам» мы бы усвоили сразу, быстро поняли и не осознали, *что* они значат. Но сложное и непонятное «Да святится имя Твое» падает в сердце и постепенно там прорастает.

Слово Божие подобно ореху в скорлупе. Скорлупа защищает ядро, находящееся внутри. Слова «Да святится имя

Твое», как это ни удивительно, тоже надежно защищены от искажений, как скорлупой, самой необычностью той формы, в которой они нам переданы Иисусом. Опыт показывает, что при переписывании текста искажаются именно понятные, легкие места, а как раз непонятные слова и выражения остаются в первоначальном виде. Понятные места переписчик запоминает целыми фразами, отчего может ошибиться, непонятные же пишет пословно и даже побуквенно. Парадоксально, но текст, по форме сложный и малопонятный, сохраняется при переписывании лучше, чем простой и понятный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.